К. БОРОДИН
НЕЧУНАЕВ

Г 99 1/97

ГОРОД ЧЕРНОЙ КРОВИ

Уу 97

К. БОРОДИН-НЕЧУНАЕВ

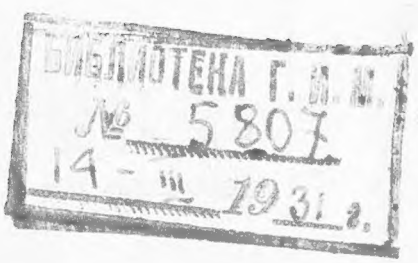
ГОРОД ЧЕРНОЙ КРОВИ

Очерк

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1930

Б 83

14-я тип. «Мосполиграф»,
Варгунихина гора, д. 8.
Главлит А 68856
Тираж 3000, об'ем 6 л.
Инд. № 20 Гиз 38899
Зак. 1089.



ОТ РЕДАКЦИИ

Автор этих очерков — Бородин отнюдь не является профессионалом-писателем. Поэтому всякого рода упреки в отсутствии, например, в его очерках ярких образов, каких-либо свежих литературных приемов и т. п. били бы мимо цели. Автор стремится лишь поделиться своими впечатлениями, результатами своего, как он выражается, «всесоюзного путешествия». Самый факт такого путешествия является для нашего времени весьма показательным и типичным. Обмен между промышленными центрами делегациями, непрерывный поток экскурсий как коллективного, так и индивидуального характера (так сказать «ходоки-одиночки») настолько распространены сейчас, что стали по существу бытовым явлением, своеобразной формой общения. Отсюда же наблюдающийся сейчас усиленный спрос на очерковую литературу.

Но несмотря на изобилие последней, несмотря на то, что над очерком работают весьма квалифицированные литературные силы, у нас в этой области далеко не все благополучно. Так, например, весьма слабо удовлетворяются потребности в литературе, которая бы в живой и популярной форме знакомила с теми или иными производственными процессами. В этом отношении работа Бородина вполне своевременна. В ней читатель в живом изложении получит вполне конкретные сведения об основных процессах, связанных с добычей нефти, о той огромной роли, которую играет она в промышленности. Не беда, если автор иногда слишком увлекается и начинает даже

агитировать за керосиновую лампочку в деревне, забывая об электричестве. Все это искупается тем пафосом, который сообщает особую живость даже самым по существу сухим сведениям, наличествующим в книге. Но интерес очерков не исчерпывается лишь производственными моментами. Автор дает весьма интересный материал чисто бытового характера из жизни тюрков, попутно знакомя с некоторыми моментами из истории этого народа. Очерки знакомят читателя с бытовыми сдвигами, происшедшими в результате революции, особенно ярко сказавшимися на положении женщины и, наконец, со своеобразным смешением старого и нового. Так, в одном женском клубе, где существует комсомольская и партийная ячейки, часть членов клуба ходят еще в чадрах и занимаются отдельно от тех, которые сняли чадры. Весь этот материал скреплен подлинным революционным пафосом, иногда придающим повествованию несколько наивный характер, который редакцией совершенно сознательно сохраняется, чтобы не лишить книгу индивидуального оттенка.

Предпринятое автором путешествие, о котором мы уже упоминали, вызвано было не столько простой любознательностью, сколько необходимостью разобраться в новой жизни. Воспитанный на весьма крепких религиозных началах в глухой тайге, в семье кержака, Бородин с большим упорством сопротивляется новым веяниям. Так, еще в 1922 г. он выступает на религиозном диспуте против Е. Ярославского. Но выступление это стало для него последним. Из ярого защитника религии он в том же году превращается в не менее решительного безбожника. Публично отрекшись от своего прежнего религиозного настроения, он начинает вести в качестве рай-избача усиленную просветительную работу среди своих односельчан, поддерживает постоянную связь с журналом «Безбожник» и т. д. С тем же упорством, с каким раньше он изучал священные

книги, он теперь стремится «узнать новую жизнь, добраться до корней ее». «Для разрешения политических вопросов — рассказывает Бородин, мне хотелось поехать в большие промышленные центры к рабочим-революционерам». В 1925 году, с более чем ограниченными средствами, им предпринимается намеченное путешествие. Он заявляет: «я убедился, что власть советская есть наша трудовая власть». Это-то «убеждение» проходит красной нитью как в уже вышедших двух книгах, так и в данной.

Таким образом, настоящие очерки являются не простой сводкой впечатлений, но в большей степени своеобразным политическим отчетом-рапортом. Этим об'ясняется, почему автор так упорно заостряет внимание читателя на сопоставлении прошлого с настоящим и, наконец, почему он с такой ненавистью, кажущейся подчас несколько запоздалой, говорит обо всем «старом», ибо для него старое не отошло еще в область «истории», с ним он сводит еще «последние счеты».

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в 1893 г. в большом селе Крутиха, Каменского округа Ново-Сибирского края, на реке Оби, в семье кержака. Отец мой — середняк крестьянин. Мать — беднячка-крестьянка. Мать и отец природные сибиряки, жители знаменитых Барабинских степей — этой нашей «Сибирской Месопотамии». Мой прапрадед, по имени Патрикий, был беглец из драгун, совершенно скрывший свое происхождение. Единственно, что он открыл детям — это, что его зовут «Патрикий» и что он беглец из драгун. «Дед ваш Патрак был батрак»,— говорили о нас.

Очевидно по приезде в Сибирь он долгое время находился в батраках. За «незнание» своего рода прадед получил прозвище: «Патрикей Нетунаха» или «Нечунаха». Моя фамилия соединена из материнской и отцовской. Фамилия матери — Бородина, отца — Нечунаев.

Когда мне было 8 лет, отец впал в крайний фанатизм. Продав свои пожитки, он «бежал» от мира сего в «пустыню» и поселился со мной и матерью «среди лесов дремучих», в 120 километрах от города Томска, в глухой тайге на заимке.

Причину своего переселения он об'яснял так: — Я ищу спасения для души и хочу воспитать сына в благочестии и правде вдали от шума и людских забот.

Здесь он имел несколько коров и небольшую колодную пасеку. Я учился самоучкой под наблюдением начетчиков, еще больших фанатиков-изуверов, чем мой отец.

Учился по псалтыри, часослову и библии. 12-ти лет читал

уже «каноны» наравне со стариками. Кержаки справляли каждое воскресенье и малейший праздник. Молиться собирались в праздник рано и молились подолгу. Отец мой часто говорил:— В полунощи восстах исповедатися тебе на судьбы правды твоея,— а посему вставай и иди в молельню в 12 часов ночи.

По 5—6 часов и более я выстаивал, не смея переступить с ноги на ногу рядом с отцом и другими «святыми» мужами. Кто побогатее, тот и святее считался. Самый «хороший» человек был тот, у кого много коров и большая пасека и кому прислуживают много «сестер и братьев». Подчинение «старшим» и богатым среди нас было беспрекословное.— Как его не слушать,— Алексея Микишича, коли у него и добра горы и ума палата,— говорили старики.— Богатому же дано будет и приумножится, а от неимущего отымется и то что он имел — говорит святое писание, и то же твердили всем учителя.

Наша заимка или «скит», как некоторые ее называли, лежала на перепутьи троп — Колывань-Мариинск и «Беглецких стезей» — Нарым-Монголия, благодаря чему у нас останавливалось много переселенцев, искателей золота, проходимцев-монахов, охотников и разных бродяг.

Отец мой, помня набеги прадеда, слыл «страннолюбцем» и «боголюбцем». Он рад был поделиться хлебом-солью со всяким прохожим и проезжим. В нашем доме останавливались странники, а баня почти каждый день была полна бродягами. Отец многим помогал чем мог. Мать тоже с большой любовью относилась к людям «странного жития».

Она часто рассказывала, как наша прабабка была «писаной красавицей» и как ее с поля украли киргизы и увезли в «ину страну неверную» в жены хану киргизскому на «Семь рек». Любил ее хан пуще всех жен и евнуха для службы ей особого приставил. Но она красным

житьем не тешилась, а все в ту сторонушку смотрела, откуда солнце всходит. Подговорила евнуха, а тот ей вырастил коней холеных, что еще жеребятами в буран на ветер головой ложились. Семь лет она жила на «Семи реках», семь лет в неволе, как птичка в клетке золотой, горе мыкала. Пошел как-то хан на войну Китайскую на дунганцев-изверг0в. Она ночью тайно и убежала. Два коня вороные, что ночи темные, что птицы быстрые, несли ее, голубушку, в края родимые, на нивы добрые к любимым детушкам, ко другу милому.

Семь ночей она до Иртыша бежала, семь дней в камышах скрывалася. Путь указывали ей звезды ясные, а для коней вороных пески сыпучие, что скатерть ровная. Через Иртыш вплавь переправилась. Сколько преград разбила, сколько людей повидала, сколько злой кручины одолела. Воля крепкая, булатная все перемогла.

— Надо всем помогать и все преодолевать,— заканчивала свою повесть матушка.

В долгие осенние вечера я убегал от матушки в баню к бродягам (бродяг она любила, но боялась) и там иногда далеко за полночь слушал их рассказы о беглецах — разбойниках и «страдальцах за народ». Памятны мне с детства их унылые напевы:

Стороны своей лишился
За крестьянский люд честной...

В то время как в молельне старики молились за царя-батюшку, в бане проклинали «изверга-вампира».

Много сказок, прибауток, поговорок я наслышался от них.

— Мамонька, дай им шанешек горячих,— часто обращался я к матери.

— Где наш сокол ясный,— кричали бродяги под окном.

Мне хотелось учиться.

Отец учиться по-граждански не давал. За купленную тайно «географию», и «астрономические вечера» он всыпал мне, покойный, горяченьких не мало. За проповедь о «вращении земли», за «вольные мысли» старики не раз ставили на колени и грозили отлучить от собора. Это «страшное» наказание приводило всех в ужас.

Воспитываясь в таких условиях, я, естественно, был человеком глубоко-верующим.

Кержаки — крайние пессимисты, и отец мой часто рыдал о «погибшей душе». Суровая природа тайги, дожди, сырость, слякоть, вечные бураны зимой — все это невольно настраивало на мрачный лад и тяжело отражалось на мне. Передо мной вставало множество вопросов, разобраться в которых самостоятельно я не мог, а обратиться за раз'яснением было не к кому, и я впадал в уныние.

Что и кто мы? Почему мы живем так? И как надо жить, и как и кому веровать? И надо ли веровать и молиться?

Рой вопросов и противоречий копошился в моем мозгу. Вихрем мчались мысли и иногда не выходили ясного ответа.

Так застала меня империалистическая война.

Фронт, где я был 6 месяцев рядовым солдатом, несколько расширил мой кругозор. Но все-таки Октябрьская революция застала меня верующим. Многих обычаев я, правда, уже не признавал, но за бога держался крепко, молельную посещал и продолжал считать всех «братьями во Христе».

В 1915/16 г. я был на Юго-западном фронте в Галиции, откуда, заболев туберкулезом, был направлен на излечение в Крым, в Алупку. В конце 1917 г. из Крыма я прибыл домой в Сибирь и с 1918 г. стал работать в местном обществе потребителей. В зимнее время 1919—21 гг. ра-

ботал в кооперативном лесном товариществе в городе Тайге.

Параллельно вел небольшую культпросветработу в драмкружке, который мы совместно с другими фронтовиками организовали в 1918 г.

Колчаковщина мне не нравилась. Особенно порки и расстрелы. «Не убий», и вдруг расстрелы. Я искал в библии «справедливости», а в это время Колчак сжигал целые деревни и расстреливал десятки трудящихся.

В лесном товариществе один из членов нашего правления, тов. Чикуров Куприян Андреевич, был большевик и я подпал под его влияние. Наше товарищество было мобилизовано готовить сани для Колчака — 1000 штук. К концу 1919 г. у нас их было изготовлено больше 250 штук. Надо было сдавать.

Омск пал. Красные войска шли к Ново-Николаевску. Чикуров уговорил меня задержать сани, на что я, после некоторого колебания, согласился и сани задержал. 18 декабря 1919 года гор. Тайга был взят 287 Минским красным полком. В это время я лежал в больнице в том же городе: болел тифом. В бреду, под канонадой, я видел белых офицеров, об'являвших мне о моем расстреле за злостную задержку военного имущества. И «прославил бога», когда увидел первого красноармейца в больнице.

Наше товарищество одно продолжало работу. Все остальные организации разбежались.

Мы сделали много поставок на больницы по заказам Чекатифа и изготовили для Красной армии около 1000 пар лыж на борьбу с белыми бандитами полковника Олефирова и других.

В 1922 г. тов. Ем. Ярославский проводил диспут в Томске на тему: «Нужно ли верить в бога». Я не соглашался с тов. Ярославским и даже пытался возражать ему. Однако его слова о том, что религия есть орудие клас-

сового насилия помещиков и капиталистов и служит она для закабаления трудящихся глубоко запали мне в голову. По приезде домой я проверил еще раз библию и к удивлению своему стал находить, что все слова тов. Ярославского были верны. Все опоры «божественного здания» полетели, как карточные домики.

Я понял классовую сущность религии.

Разрешив один вопрос, мне нужно было разрешить еще ряд других: «Что такое революция? социализм? правильно ли идет Советская власть? и множество других вопросов.

Товарищу Ем. Ярославскому я писал из Сибири и просил его указаний в «безбожных вопросах». Он мне посоветовал связаться с газетой «Безбожник».

В 1923 году, порвав связь с молельной и со всей верующей «братией», я публично отказался «от религии» и впервые выступил в родном селе с открытой антирелигиозной пропагандой, за что «отцы» после долгих увещеваний «прокляли» меня и отлучили от «собора».

В 1924 г. я вынес иконы из своей комнаты и октябрил двух близнецов-детей в большом селе Таловском Томского округа — центре кержаков-таежников. Юргинский райком ВКП (б) выдвинул меня на работу рай-избача.

Для разрешения политических вопросов мне хотелось поехать в большие промышленные центры к рабочим — революционерам-большевикам и у них получить ответы на волнующие вопросы.

Поговорить с теми рабочими, которые под руководством тов. Ленина совершили Октябрьскую революцию.

Это мне удалось.

Работал я в об'единенной Юргинской железнодорожно-поселковой избе-читальне, благодаря чему имел возможность получить бесплатные проездные билеты; скопив немного денег, я взял отпуск и 22 августа 1925 года отправился во всесоюзное путешествие.

Урал, Ленинград, Москва, Харьков, Ростов н/Дону, Таганрог — дали мне очень и очень многое.

Я посетил рабочих в глубоких шахтах Донбасса (Новая Смолянка, Чайка, «Иван» и др.). Я долго любовался огнями домн и гулом мартенов. Я видел нефтяные фонтаны в Баку и Грозном, пил чай с работницами на Чакве в Батуме. Любовался красотой природы Крыма, гостил у отдыхающих в Ливадии крестьян, побывал в Грузии. Видел ЗАГЭС и Волховстрой.

Ряд заводов осмотрел я по всему Союзу, и в беседе с рабочими искал ответа на волновавшие меня вопросы, получал простые и ясные ответы на них.

Я убедился, что Советская власть — есть наша трудовая власть, что нам нужно бороться с кулаком и нэпманом. Деревню нашу надо немедленно перестраивать на новых социалистических началах. Нужны совхозы и гиганты-колхозы. И что для того, чтобы строить, надо учиться. Я просил «Кр. Газету», театр им. Мейерхольда, Главполитпросвет и Центральный дом крестьянина командировать меня на рабфак. Ходатайство мое было удовлетворено.

20 сентября 1926 г. я сел на школьную скамью Тимирязевского с/х. рабфака. Теперь уже учусь на 4 курсе. Мне хочется получить высшее образование.

Держу связь с родными деревнями, каждое лето туда езжу. Пишу письма крестьянам. Послал через рабочих с заводов около 160 килогр. литературы и снабдил ею больше полутора десятков деревень глухой сибирской Тайги.

Результатом моих поездок явились две книжки о жизни и быте рабочих: «У ленинградских и московских рабочих» и «В гостях у донбассовцев». Выпускаемая в настоящее время книга очерков «Город черной крови» посвящена Бакинским нефтяным промыслам и быту бахинских рабочих В основу ее легли: мое личное знакомство с Баку в 1926 г.

и сведения о бакинских промыслах, полученные мною от тов. Серебровского.

Специальная часть книги проверена инженером Московской конторы Азнефти тов. Агаповым.

Москва

Октябрь 1929 г.

Город черной крови

Эту книгу

посвящаю рабочим Бакинских
нефтяных промыслов, вместе
с которыми я ее написал.

К. Б.-Н.

„ОГНЕВАЯ ВОДИЦА"

(Керосин)

Много деревень раскинулось по необ'ятному СССР, много лачуг, хат, изб и саклей.

В каждой избенке по ночам светит огонек.

Хмурится коптилка, приветливо мелькает лампа. Вечерами уставшего путника приветливо зовет на ночлег луч керосинки.

Охотник, заметив в таежной землянке свет, ободряется духом и скорее спешит на покой.

Ковыряется ли дед с лаптями, вяжет ли бабка чулки, прядет ли тонкую нитку молодуха, все они тянутся к лампе.

Жук и тот летит на огонь.

Огонь всему голова.

А что горит в лампе?

Керосин!

Что такое керосин? Откуда он привозится? Из чего получается? Кем и как вырабатывается?

Вот вопросы, которые невольно возникают у каждого, кто смотрит на огонь керосиновой лампы или слушает тарахтение трактора, в котором тоже горит керосин.

Мужику дальнего севера, центра России, Сибири или Дальнего Востока неизвестно — откуда и как берется горючая водица, что освещает его хижину, поит и кормит железную лошадь — трактор.

Сивка, напившись воды, громко фыркает и скачет по лугам.

Новый Воронко, хлебнув керосинцу, брызжет огненными искрами, ржет железным ржаньем и спокойно тянет воз — один за тридцать лошадей.

Дивно мужикам, что «огневая водица» прямо из земли течет, как слыхали они от бабушек и дедушек, бывалых людей. Только будто идет она не очищенной, а черной, шипучей и пенистой, где-то за долами, за горами, в стране Аллаха. Течет «чортова водица» скверной «адской» горести. Так повествует кержацкая таежная легенда родины моей — Сибири.

Век прожили старики в Барабинских степях. Куда они только ни ездили, все знают. Вдоль и поперек исшагали, измерили необозримые равнины — сибирские междуречья Оби и Иртыша, степи Кулунды и Барабы. В Васюганских болотах, в Нарымской тайге бывали; в Обдорск плавали, в Ирбит и Иркутск гужеедами ходили; с седой головой Белухи[1] здоровались, рваным обутком[2] тысячи километров отшлепали, нигде не видали такого чуда. Да и как это такое может быть на свете, чтобы горючая вода прямо из земли текла?

Упрямо повествует легенда:

«Идет она, эта водица, из земли и сумрачных мест, хмурого безлюдья, где хмарью песчаной дышат пустынные холмы.

Там океан-море. Там небо к земле приросло. Там ад близко. А что там ад близко, так тому порукой земляной огонь, который горит вечно.

Колодцы нарыты кругом. Из колодцев, прямо из-под земли вылетает огонь. Не надо огня — закрой колодец.

---

[1] Белуха—гора Алтая, покрытая вечным снегом.

[2] Обутки—сибирская обувь—бродни.

Надо — открой. Воды там нет поблизости. Все адская горечь одна. Идет с шипением, словно слюна изо рта змеи. Пенистая да черная; горькая-прегорькая. Сила в ней преисподняя. Как серянку (спичку) поднесешь, ну и пропал — загорится огонь, до неба забьет ключом из земли. Аминь!»

Легенда передается по тайге, полусекретно, вполголоса, почти шопотом, «почтенными» стариками-знахарями.

Передал мне легенду в Кузнецкой тайге лохматый, корявый как пень кедровый, столетний старик, охотник, пасечник, век не вылезавший из лесу. Передал под большим секретом, с условием, чтоб я передавал ее также шопотом людям достойным.

«Люди нынче злые стали. Душегубы. Табак жрут. Бога на дрова покололи. Николу вешнего отменили. Разве поймут они? Нет! Над тобой же еще посмеются. Не надо им говорить наших преданий и у них слушать нечего. Перед страшным судом загорится это сатанинское молоко. Антихрист лучину отменил, везде керосином «святую» землю облил. Ой, не к добру!»

«Культпросветчики» такого рода еще очень сильны в гуще лесов и степей.

Много интересных легенд на свете. Крестьяне часто верят небылицам. Нет книжек в деревне о керосиновых заводах, о жизни и быте рабочих. Нет популярных книжек о нефти.

Нефть — всесильный рычаг индустрии. Хозяин воздуха и суши. Вот почему в настоящей книжке я хочу попытаться изложить виденное мною во время путешествия по Азербайджанской социалистической советской республике.

К МОРЮ СИНЕМУ

Поезд пыхтел, подходя к Баку.

В далекой синеве азербайджанских песчаных степей мы увидели серые тучи. Тучи однако были необыкновенные. Серые клубы дыбились вверх, садились вниз и снова разлетались по воздуху.

Видал я на ледяном гумне, как с проворной лопаты отца яро летело по воздуху пыльное просо. Пыль на ветру закручивалась в причудливые трубки, прыгала из кольца в кольцо, опускалась, порывами ветра вновь подхватывалась кверху, летела и легкой струей ложилась на крутые берега. Тяжелое зерно падало, пустое перекатывалось, спотыкаясь, и бежало, как бы стремясь догнать улетающие мякинки.

Так и здесь.

Видимое оказалось крутящимся песком. Это были песчаные бураны.

Степь вокруг Баку унылая, пустынная. Растительности почти нет; чуть не каждый день дует страшный северо-восточный ветер нордост. Злое солнце сожгло, запекло и искололо кровавыми глазами бока земли. С годами солнце и ветер сделали свое дело: оголили громадные пространства суши, превратив ее в дикую неприглядную хмарь.

Гигантская лопата ветра взметает к небу русые кудри песчаного вихря. Ветер треплет песок самотканым полотнищем. Тяжелая часть песка совсем не поднимается вверх. Ветер перекатывает песчинки по земле — получается шероховатое чешуйчатое поле. Песок, передвигаясь, образует холмы и бугры; вся поверхность кажется застывшим морем. Волнообразным окаменелым первобытным чудищем.

Вот, думаешь, была живая волна, шла она, сокрушала преграды и вдруг застыла.

Кое-где на волне песка притаились колючие кустарники, одинокие обитатели пустынь. Нельзя и подумать, что среди этой мертвой пустыни запрятано от века неоценимое богатство — нефть.

Застывшее море — край вечных горючих огней.

Поезд, как пес голодный, завидев добычу, визжал, шипел, напрягал последние силы, нес на под'ем, а с уклона, еле сдерживая напор, стрелой несся к станции.

Волна слегка покачивалась. Я чувствовал себя, как в парусной лодке.

На горизонте у берега чернеет, как остров, город Баку. Там кончается «море» степей. Кончаются душные песчаные туманы и начинается настоящее живое море — сердитый Каспий. Волна за волной лезет на берег. Солнце искрится в миллиардах брызг, кутается и прячется в белых гребнях нежноголубых волн.

Сочетание трех стихий: злого Каспия, «мертвых» степей и воздушного синего океана в лучах тюркского солнца дает неописуемую игру цветов и оттенков.

Южная жара невыносима.

Пыль и песок лезут в глаза, рот, уши, залепляют нос.

Но ожидание тысячи новых впечатлений, предчувствие увидеть нечто ошеломляющее и приближение к морю поднимают мое настроение и разжигают любопытство. Хочется скорее проникнуть в тайники невиданного края, этого сказочного керосинового царства!

Поезд зашел под крышу. Суетится народ, большей частью местные жители азербайджанцы-тюрки в восточных халатах и горских головных уборах. Жара. На азербайджанцах тяжелые теплые платья. Много персов и турок. Русских мало. Прислуга на станции почти вся тюркская.

С вокзала мне пришлось спуститься по каменной лестнице на небольшую площадку-садик. Здесь стояло много

извозчиков, кричавших что-то на непонятном мне языке. Мимо гукали и сверкали автомобили и дилижансы.

Я попытался заговорить с одним из извозчиков.

«Куда едешь?» — спрашивал меня морщинистый старик. За морщинами нельзя было даже разглядеть его глаз. За множеством складок лица весело сверкали какие-то две дырки. Извозчик парный, с дышлом, отчаянно размахивал кнутом и все время твердил два русских слова, вероятно только и известных ему: «Куда едешь?».

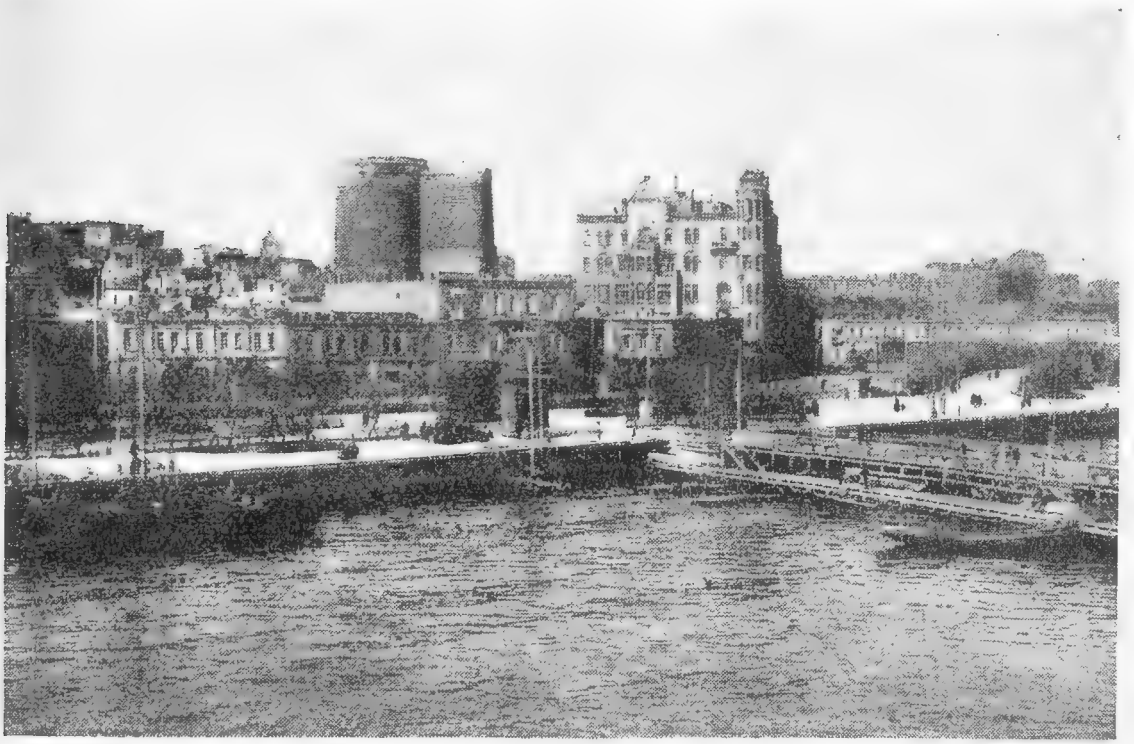
Что-то похожее кричали и с других козел. Сколько стоит доехать до «Центрального дома крестьянина», где я намеревался остановиться, я никак не мог узнать. Наконец я сообразил, что нужно сделать. Вынул 5 серебряных полтинников, которые у меня остались по приезде в Баку, и показал ему. Он кнутом со своих высоких козел отодвинул на моей ладони четыре полтинника. Я закачал головой и сам отодвинул пальцем два полтинника. Он увидел, что я ему даю рубль,— показалось мало. Застонал, зарычал, замахал еще сильнее кнутом. Что-то по своему убедительно мне говорит, показывает вверх. Я понял, что ехать надо далеко и в гору.

Сгрудил снова полтинники и поднес к его глазам развернутые ладони. Он оглянулся на других извозчиков, отодвинул три полтинника, развел руками, указал на соседа и притопнул ногой. Из этого я заключил, что на уступки дальше он не пойдет. Сразу отдал полтора рубля, погрузил свой тощий багаж, сел, и добрые лошадки рванули. Едем. Куда ни поглядишь, чудно как-то все.

Улицы, например, кривые и местами до того узки, что с встречным, пожалуй, не раз'едешься без греха. Дома с виду похожи на наши, а всмотришься — есть и разница. Окна высокие, дугой, а дуга стрелкой: как бы надломилась дуга оконная во время сгиба. Балконы врезаны в дома. Похоже — строили дом, а о балконе забыли, после спо-

хватились, прорезали стену и из одной комнаты сделали балкон. В окнах решотки железные, как в тюрьме, плоские асфальтовые крыши.

«Центральный дом крестьянина» расположен на высоком косогоре в западной части города. Я вышел на балкон третьего этажа. Небо хмуро, сыпучие пески, сердитый норд.



Вид города Баку.

Весь черный и белый город и старый Баку с крепостными стенами, полуразвалившимися башнями, мечетями, минаретами, церквами, с плоскими крышами домов, рассыпался под моими ногами, по склонам приморья. Направо

Каспий ржал и тряс косматой гривой. Белый пар столбом повалил — это пришедший из Персии пароход просит разрешения войти в гавань. Приветствуя в лице парохода дружественную нам Персию, стая наших морских судов кивает высокими мачтами и усиленно машет белыми платками-парусами. Вот и катер пошел навстречу пароходу. Под мраком пыли и морских туманов город стоял как бы под гигантской чадрой. Концы чадры причудливо завиты и перевязаны черными лентами облаков.

Я рассматривал план города и внимательно изучал расположение отдельных районов. Молодой тюрок, без ермолки, комсомолец, рассказывал мне, где какие заводы и учреждения расположены; в какой стороне нефтяные промыслы; об'яснял назначение и историческое прошлое того или иного места.

Внизу суетились муравьи-люди.

Отставший от каравана верблюд жалобно голосил по дороге.

СТАРИНА

Старинная часть города Баку окружена крепостной стеной.

Утром я поспешно напился азербайджанского чаю и пошел. От Центрального дома крестьянина мне нужно было спуститься вниз по изогнутой улице. Я зашел в центральную часть города мимо большого здания Баксовета. Вскоре передо мною выросла большая каменная стена. Это — ограда старинного города: метров шесть-семь высоты. Спро-

сил у перса, разносчика яблок, как мне попасть к ханскому дворцу и мечетям. «Ходы далше, выдышь ворота!» Действительно, пройдя несколько шагов, я увидел большие полукруглые ворота. Когда-то у этих ворот стояла ханская стража с обнаженными мечами и копьями. Теперь тут пусто и хмуро. Из арки местами выпали кирпичи; стена тоже во многих местах потрескалась или совсем свалилась.

В воротах меня охватило какое-то странное чувство. Мне показалось, что я действительно где-то «за горами, за долами, за широкими морями, в тридесятом царстве, в тридевятом государстве», как в бабушкиных сказках. Мне показалось, что я должен и хана в золоте, и царевну в бархате увидеть, и метких стрелков на башнях стены.

Я постоял в воротах, поглядел. За воротами шли кривые узенькие улички. Гигантские стены, казалось, приплюснут меня. Нерешительным шагом двинулся я дальше. Все было для меня ново и пахло тысячелетней стариной. У нас в деревнях, на реке Оби, если где увидишь старинный дом, сколько дива: ему уж, говорят, «сто лет». А тут я вижу постройки, которые простояли столетия.

Вдруг из-за угла кривой улички навстречу мне вынырнула, как из-под земли, черная фигура, похожая на обгоревший пень. Пень двигался мне навстречу; я не мог разглядеть ни головы, ни шеи, ни ног. Стал разглядывать, что за фигура? Фигура заметила мое недоумение, пошла тише и, поровнявшись со мной, остановилась. Потом повернулось у нее что-то вместо головы, и она молча пошла дальше. Мне рассказали, что это женщины-тюрчанки. По закону Магомета они не должны показывать постороннему мужчине свое лицо. Для этого они закрываются большой черной шалью с головы до ног. В шали делается окошечко из черной густой сетки, через которую они дышат и смотрят вокруг. Это покрывало называется чадрой.

Среди узких вьющихся улиц, на возвышенном месте расположился старый ханский дворец арабской архитектуры. Массивные стены темножелтого цвета напоминают скорее тюрьму, чем дворец. Верхняя часть дворца перестроена заново. Ход во дворец закрыт. Пускают только по разрешению отдела охраны памятников старины.

Теперь за дворцом большой присмотр. Его берегут как древность, как большую редкость. При царской власти здесь были конюшни и стоял какой-то военный обоз.

У меня было разрешение. Походил я вокруг ограды дворца, спросил ребятишек, где сторож. Черный, как арап, мальчишка в рваной рубашонке и портках сбегал куда-то. Минут через пять пришел лохматый старый дед. Из-под нависших бровей сверкнул на меня мутными щелками.

— Дворец хочешь посмотреть?.. Давай бумагу!— Проверил мой пропуск, что-то буркнул, помял бумажку, положил в карман. — Идем!

Мы подошли к железной двери. Откуда-то из складок халата старик вытащил большой ключ и отпер. Мы вошли во дворец.

Вход в главное здание изукрашен замечательно тонкой резьбой на камне. Многоугольный темный подвал, с отверстием в потолке. Сторож об'яснил мне, что это сокровищница хана. Дальше огромные кладовые для с'естных припасов. Наверху некогда был гарем.

Из комнат верхнего этажа особенно замечательна небольшая так называемая «тронная зала»: восьмигранная комната с высоким потолком. В каждой грани небольшая ниша с сиденьем. Говорят, что здесь хан принимал посетителей, слушал доклады. Главный вход с западной стороны. К нему вела большая лестница. Теперь этой лестницы нет, и ее хотят восстановить. Вообще весь дворец советской властью приведен в порядок.; до 1920 г. он был завален мусором и навозом. Теперь все расчищено.

— Идем в судилище!— сказал мне сторож.

— Да, да, где тут ваше «судилище»? Пойдем посмотрим. Я слыхал, о нем говорят очень интересное.

— Идем!

Нам встретился студент тюрок, художник. Он знает все о дворце.

Мы познакомились. Он рассказал, что ханский дворец построен, вероятно, в XV веке, что год постройки считают от начала нашей эры, 1428—29, а по ихнему — по-тюркски — 832 геджры. Дворец построил великий хан Халил Улла первый ширваншах Азербайджана.

Ширван — важнейшая и самая обширная северо-восточная часть Азербайджана. Столицей его была Шемаха, а иногда Баку. Ширваншах — правитель, хан. Властелин Ширвана.

— Чтобы закончить осмотр дворца,— сказал студент,— пойдемте, товарищ, посмотрим с южной стороны позднейшую пристройку.

Мы подошли, увидели красивую каменную лестницу и широкую террассу. С террассы и из окон верхнего этажа открывался великолепный вид на всю бакинскую бухту, Баилов мыс, море и окрестные горы.

Ханское судилище (Диван-ханэ) — очень красивое здание; оно состоит из четырехугольного двора, образуемого открытой колоннадой-галлереей. Кругом здания — навес, покоющийся на двадцати каменных колоннах. В середине двора восьмигранная ротонда, похожая на часовенку. На ней имеется невысокий круглый купол. С западной, дворцовой стороны и с севера две двери. Северный вход — парадный, украшен ковровой резьбой по камню. Здесь не увидишь дерева. По бокам двора — две шестиугольные резные розетки из букв. Написано по-арабски: 1) «Аллах Мохаммед Али» и 2) «Нет божества, кроме Аллаха;

Мохаммед — посланник Аллаха; Али близкий Аллаху». Над внутренней западной дверью арабская надпись из Корана (третья глава о «суде и справедливости»). В этом помещении хан производил приемы и разбирал судебные дела: творил свой «праведный» суд над подчиненными.

Я спросил старика тюрка, за что судил хан.

— Хан судил вора больше. Кто карабчи, того суди. Не надо карабчи. Бедняк работать нада. Бедняк карабчи у богатой. Магомет велел богатой торговай, беднай работай! Не хотел работай, тащи суды и тут повешай!»

Студент об'яснил, что хан судил всех, кто не подчинялся купецким законам хана. Суд был скорый и расправа короткая: преступника тут же, на глазах народа, под куполом судилища вешали. На крюк, что под потолком, привязывалась петля; преступник становился на стул, ему накидывали петлю на шею, стул выбивали из-под ног, и преступник повисал в воздухе. Тут же находился хан и судьи, а со двора народ смотрел в большие окна-двери.

Окруженный стражей преступник заходил в двери судилища. После смерти этими дверями нельзя было выносить его труп. Двери священные, а труп поганый. Как только преступник переставал дрыгать ногами, петля обрезывалась, и преступник падал в подземелье, в подвальную комнату смертников, где его встречали ожидающие такой же участи несчастные преступники, осмелившиеся восстать против Аллаха, близкого ему хана и их «непорочных» законов.

Судилище построено, полагают, тоже Халил Уллой.

Под судилищем есть еще подвальная темная комната; ход в нее с ограды. В комнате сухой колодец, глубиной метров шесть. Говорят, что эти подземные комнаты служили темницами для преступников.

Во дворе судилища сторож показал нам несколько круглых колодцев,— неглубокие, шириной, до метра. Колод-

цы называются «каменные мешки». Сюда сажали «неопасных» преступников, примерно на год или на два, для покаяния.

— Пойдем товарищ,— сказал мне студент,— посмотрим на очень интересное сооружение древности «Девичью Башню» (Кыз-кала).

Мы спустились вниз, к морю.

— Вон она!

Перед нами выросла огромная, похожая на вытянутое ведро, башня. С восточной стороны высокая стена; с западной стороны — небольшая дверь в башню.

Мы долго любовались каменными массивами.

— Про эту башню у нас есть очень интересная легенда.

— Почему она называется «Девичьей»?

— Вот эту легенду я и хочу рассказать тебе.

...Много веков тому назад у одного злого хана была красавица дочь. Пришла пора девку замуж выдавать. Наехали, стало быть, сваты. Сватов много. Еще бы, хан богатый! Вот один какой-то князек шибко понравился хану. А невеста на князька и смотреть не хочет. Князек и шелком дарит красавицу, и бисер индийский к ногам сыплет, и жизнь сладкую сулит. Старшей женой сделать обещает. Не верит красавица, не любит князька. От отца приказ последовал:

«Марш замуж без разговоров!»

А у нее на примете другой был — подданный хана, бедняк какой-то. Подстать ли вельможному хану, наместнику бога, с беднотой возиться?.. В горенке-светелке хотел хан поймать дочь и силой выдать замуж. Вырвалась красавица из цепких лап отца. Бежать... Бежать однако было некуда. Всем сторожам отдан приказ не выпускать красавицу из дома. Девушка бросилась к воротам — не пускают, к другим — заперто. Отец за ней.

«Отдам проклятую за князька!»

«Не отдашь!» — кричит дочь.

Дочь в одну сторону ограды, отец за ней. Дочь в другую — отец за ней. Кругом из окон и дверей выглядывают сочувствующие рабыни. Дочь выбилась из сил. Запыхалась. Сердце бьется, как у горной птички. Одна рабыня решилась помочь. На глазах хана подхватила изнемогшую девушку. Подземными ходами втащила ее в башню. Отец прибежал к двери. Заперто. Стучит. Не открывают... Хан сломал запор, ворвался в башню. Они уже во втором этаже. Хан — за ними... На седьмом этаже догнал обоих. Хотел схватить дочь; рабыня загородила дорогу. Пока он с ней возился, девушка поднялась еще выше. Однако на восьмом этаже хан снова догнал красавицу. Поймать не смог, она выскочила на крышу. Выскочил и хан. Запыхался... Поймал!.. Девушка собрала последние силы, снова вырвалась и бросилась к перилам. Отец к ней. Уже хотел было простить, выдать за любимого, да было поздно. Дочь вскочила на перила... Раньше море было у самой башни. Теперь ушло метров на триста. Волны плескались о гранитные стены... Хан схватил дочь за чадру. Не смог удержать.

— Вон с этой ужасной высоты,— показал мне студент,— девушка бросилась в море.

«Будь ты проклят со своим князьком!»— услышал обезумевший хан.

В руках осталась только чадра... Седые волны раскрыли могучую пасть и поглотили красавицу. А девушку-рабыню хан повесил при народе в судилище.

* * *

— Сейчас пойдем, товарищ,— сказал мне спутник,— поглядим самую башню.

Подошли. На башне студент прочитал надпись:

«Башня Масуда сына Дауда» (го-азербайджански: Кала Масуд бин Дауд). Башня, повидимому, построена в XII веке, во времена турок сельджуков. Около башни, снаружи, есть два круглых сухих колодца. Подземные ходы, идущие к северу и западу, к ханскому дворцу и к Шах-аббасским воротам.

Полагают, что башня имела военное назначение.

Высота башни около тридцати метров. Толщина стен около трех метров. Поперечник (диаметр) внутри башни равняется приблизительно четырем метрам. Толщина придатка — четыре метра. Когда-то она являлась неодолимой твердыней. Копья, мечи, луки, стрелы ей были не страшны. Прежде здесь было семь сводов, деливших башню на восемь равных этажей. Теперь сводов нет — обрушились до самого верха. Получилась как бы огромная труба; на месте сводов остались только карнизы возле стен.

— Давай, поднимемся наверх.

В древности была лестница по сводам и в толще между сводами. Теперь сохранились только ступени. Внизу недавно пристроена каменная лестница в четырнадцать ступеней. Всего наверх я насчитал сто шестьдесят ступеней.

Забираясь по лестнице внутри стены, я с каждого этажа заглядывал вниз, на место обрушенных сводов. Чем выше мы поднимались, тем страшнее становилось заглядывать вниз. Жутко, а посмотреть хочется!

С верхнего этажа опять перед нами открылся захватывающий вид на море, окрестности, и весь город утонул в изгибах косогоров. Вдали, в горах клубились облака... Кумачом обвернулось на закате солнце. Над головами реяли гидропланы.

У студента слетела фуражка. Порыв ветра подхватил ее. Она высоко взлетела, покружилась в воздухе и упала в другом конце ханской ограды возле старинной мечети.

Как пришибленный стоял я под влиянием жуткого рассказа. Словно на моих глазах проходили ужасные картины великого рабства женщины. Женщина Востока угнетена. Отец и муж — владыка, царь и бог над женой и дочерью.

Веками томилась мусульманка под чадрой, пропадала в неволе...

АЗНЕФТЬ

Много желаний, горячих непередаваемых порывов кипело, как в нефтяном котле, в груди.

Мне страшно захотелось поехать в горы, к пастухам в шалаши, но у меня было только три рубля. Посоветовали мне пойти к секретарю АзЦИКа тов. Шахбази. Он поможет. Он отправит как-нибудь в деревню, в горы. Ведь я хочу написать книжку о том, что видел. После долгих мытарств допустили меня к секретарю. Поднялся куда-то наверх. Паркетные полы. Высокие стрельчатые окна. Секретарь — здоровенный детина. Глаза красные, недружелюбно поглядывает. Перед ним большой стол с какими-то бумагами и книгами. У стола два свободных стула.

Я — второй из посетителей.

У стола стоит весь в заплатках, с лысой головой, крестьянин. Видно, только что с гор, от коров, из виноградника. Весь трясется, ноги подгибаются. Что-то говорит по-своему, разводит руками. По тону голоса и по лицу видно, что просьба его не удовлетворена. Тюрок робко возражает, но все напрасно. С поникшей головой он выслушивает суровый отказ. В дверях выглядывает старуха,

повидимому, жена просителя. Порог переступить не решается. Куда ей! Я перешагнул, и сейчас же раскаялся. Зря я сюда попал.

— Вам что? — сурово спросил Шахбази.

Я собрался с духом и спокойно, кратко изложил суть дела.

— Не можем. Иди в Главполитпросвет. Это их дело. Нас не касается.

— А меня только что оттуда прислали, говорят, вы все можете!

— Не можем.

— Как же быть?

— Как угодно. Следующий! Вам что?

Я снова «пошел искать по свету...»

Чернее ночи шел от Шахбази. Куда деваться?

В «Доме крестьянина» меня встретил рабочий, с ним я познакомился еще вчера.

— Ты что нос повесил?

Рассказываю. Так и так. Разочаровался.

— Э, милый, очень ты скоро воспламеняешься и быстро стынешь!

— А что?

— А вот то ж, что ты еще никуда не гож! Обстри-ка слюни-то, да засучи рукава! По-большевистски надо действовать, выдержку иметь!

— Выдержку... вот денег нет ни гроша, и все планы разлетаются.

— Ты говоришь, что поставил себе задачей путешествие по СССР, по крупным промышленным центрам?

— Да, но голодно и холодно.

— Никаких «но»! Раз поставлена задача, издохни, а выполни!

Речь рабочего подействовала на меня. Стало стыдно за малодушие. Темная ночь в голове мало-по-малу стала светлеть.

— Земля советская клином не сошлася — выходов тысячи есть!

— Какие ж?

— Был в Бакинском комитете АКП (б)?

— Нет.

— Вот куда надо! Отсюда надо было начинать!

Рабочий посоветовал завтра же с утра, немедля, пойти в Бакинский комитет.

— Ты избач?

— Да.

— Вали прямо к товарищу Никишину. Он зав. Агитпропом Бакинского комитета Азербайджанской коммунистической партии.

—

Ровно в девять часов утра вошел я в стеклянную дверь трехэтажного дома. Подходя к двери я опять немного сробел. А вдруг и здесь откажут? Не раз со мной такие тяжелые минуты были. За год путешествия, без гроша в кармане, всего навидаться и перечувствовать пришлось. Не раз приходилось оставаться без копейки, без руководства, без сочувствия, натыкаться на презрение, равнодушие, подозрительное отношение, а то и просто грубый отказ во всем. За ворота фабрики не пускали, квартиры не давали, от работы на кусок хлеба отказывали. Приходилось последние монатки на толчке продавать.

Перед дверью партийного комитета молниеносно припомнились все злоключения и радости пути. Одних районов посещения уже имеется в прошлом больше десятка. Поверхностный обзор Урала, детальное ознакомление с ленинградской промышленностью. Посещение Волховстроя;

радости и злоключения в Москве, с ее знаменитой Красной Пресней, Трехгоркой, Бауманским районом, Сокольниками, Арбатом... Осмотр вышитого украинскими узорами Харьковского промышленного района, житницы Кавказа — Ростова-на-Дону, дымного Таганрога, где леса фабричных труб с нечесаными черными кудрями навевали радостные думы. Сердце Донбасса — Сталино, где течет золотая кровь раскаленного металла, где дышут углем рабочие шахты, а фабрика массового здоровья трудящихся, жемчужина СССР — Крым — с санаториями и домами отдыха, Кавказ с белоснежными грудями гор и сладкими источниками нарзана, незабываемыми пятигорскими серными ваннами, ессентукскими и кисловодскими здравницами.

Всякий раз в безвыходных положениях я старался успокоиться. Насильно отвлекал свое внимание от неразрешимой задачи на какие-нибудь пустяки. Рассматривал, как устроена дверь, форму окна, изучал прохожих или рассматривал плакаты: где изданы, в какой типографии напечатаны, номера гублита. После уж, по русской пословице «сядем-ка да умом раскинем», присаживался в раздумьи и часто, бывало, находил неожиданный выход из положения.

Успокоившись, я смело рванул ручку двери. Встретился молодой человек, лет семнадцати. По его движениям и по внешности я заключил, что это комсомолец. Он любезно спросил:

— Что, товарищ?

— Да вот мне бы Никишина тут как-нибудь увидеть.

— Зачем? Он занят. Заседание.

— Очень нужно.

— Нельзя.

— Нет, мне нужно. Когда же увижу?

— Изложите просьбу мне, я передам. Завтра придете.

— Вы, товарищ, завтраками меня не потчуйте. Я сегодня обедать хочу.

— В чем же дело?

Кратко изложил цель своего посещения.

— Из Москвы есть что у тебя?

— Есть.

Показал ему удостоверение от Главполитпросвета. Вот еще копия бумажки тов. Крупской. Она ходатайствовала за меня о бесплатном проезде перед ЦК железнодорожников.

— От Крупской есть бумажка?— удивленно переспросил он и посмотрел широко открытыми глазами.

— Да, вот посмотрите.

— Хорошо, я все документы покажу Никишину.

Я облегченно вздохнул.

— Придите часа в три.

— Хорошо.

Никишин, не в пример Шахбази, принял меня очень вежливо. Расспросил обо всем подробно. Сочувственно отнесся к плану, дал денег и написал такую бумажку:

В Культотдел АСПС и союза горняков.

АПО АКП (б) просит оказать всемерное содействие избачу Томского округа тов. К. Бородину в ознакомлении его с промысловыми районами, жизнью и бытом рабочих.

Зав. АПО БК АКП (б) Никишин.
Секретарь Дударов.

Бумажка оказалась счастливой. Меня приветливо приняли в Азербайджанском совете профессиональных союзов, союзе горняков и в Азнефти. В главной конторе принял

меня управляющий делами Азнефти Драгневич. До Серебровского не допустили. Драгневич сказал:

— Я все возможное сделаю.

Я настаивать особенно не стал.

— После,— говорит,— увидишься. Поезжай, посмотри промысла. На какие хочешь?

Я сказал, что буду осматривать Азнефть, по возможности всю «с головы до ног». Хотелось бы сначала ознакомиться с расположением промыслов, осмотреть их, взглянуть на город и заводы и по пути осмотреть храм огнепоклонников и тюркские деревни.

— Хорошо.

Драгневич нажал на большом столе кнопку. Явился курьер.

— Попросите сюда инженера Некрасова!

Служитель ушел и сейчас же вернулся в сопровождении пожилого гражданина.

— Познакомьтесь,— с улыбкой сказал Драгневич,—это крестьянский избач из Сибири. У него есть бумаги от Главполитпросвета РСФСР. Ему нужно показать промысла.

— Хорошо, хорошо, хорошо. Очень рад, очень рад,— скороговоркой ответил Некрасов.

Драгневич то-и-дело подписывал поданные секретарем какие-то бумажки.

Драгневич, разговаривая, правой рукой подписывал, левой то-и-дело хватал трубку беспрерывно звонивших, штук шести, телефонов. Выслушивал, делал замечания, отвечал на вопросы, разговаривал с нами и с другими посетителями. Я невольно подумал:

— Вот, дьявол, здорово работает!

Некрасов любезно взял меня под руку и наговорил мне кучу любезностей, шаркая по паркетному, блестевшему, как зеркало, полу.

Драгневич выдал мне пропуск на все промысла, не забыв поместить на нем красными чернилами основание: отношение АПО БК АКП (б) номер такой-то.

— Инженер Некрасов, вы, кажется, должны сегодня проводить очередную проверку работы на промыслах? Возьмите с собой тов. Бородина и покажите с об'яснением все промысла, город и заводы. Не забудьте завести его в храм огнепоклонников.

— Хорошо, хорошо, хорошо!

— Возьмите крытую машину. Может песок поднимется, в ней удобнее во время урагана.

— Да, нам придется верст семьдесят-восемьдесят, а то и все сто обогнуть сегодня.

Драгневич подарил мне со своей надписью все отчеты по азербайджанской промышленности и десятка три фотографий.

Спасибо Драгневичу!

Нам дали одну из лучших машин. Крытый автомобиль. Шикарный, блестит. Я, признаться, еще ни разу не катывался в авто. Какие перемены! Вчера Шахбази чуть не выгнал из кабинета, сегодня сижу в автомобиле в сопровождении специалиста-инженера, знатока промыслов и заводов. Шофер, в пенсне, вежливо открыл нам дверцу.

Некрасов предложил мне войти первому. Я вскочил быстро, хотел половчее, но с непривычки слегка стукнулся головой о верхний косяк дверцы. Тяжело и плотно опустился на мягкое сидение, которое, рассердившись должно быть на мою деревенскую неуклюжесть, подбросило меня вверх с такой силой, что я невольно подпрыгнул. Снова сел, уже спокойнее.

Инженер ловко уселся рядом со мной, захлопнул дверцу. Шофер подкрутил, машина зафукала, задрожала всем телом, и наша «волшебная телега» помчалась. Замелькали

дома, улицы и переулки. Шофер ловко управлял. Навстречу то-и-дело попадались такие же машины, арбы, прохожие и носильщики Азербайджана с огромными тюками на спине.

— Вот и «черный город» видно. Вон церковь «святого» Макария — «покровителя рабочих»!

Машина быстро летела.

Горбатая худощавая степь. Красное заснувшее солнце. Тут и там черные песчаные вихорки.

— Вот смотрите, смотрите, гражданин Бородин, это механический завод имени «лейтенанта Шмидта»!

Машина мигнула, и — завод позади.

— Вот электроподстанция! Вот электросабунчинка — железная дорога из Баку в Сабунчи!

Из песчаной хмари коршуном вынырнули и опередили нас пять блестящих вагонов без паровоза.

Поперек песков пустыни, поперек и вдоль нашей дороги черными удавами, тесно прильнув друг к другу, бежали по холмам песка ряды здоровенных железных труб.

— Это жилы нашей нефтяной промышленности,— сказал инженер,— они точат черную кровь с периферии, с промыслов в сердце «черного города» — Баку, на нефтеперегонные заводы. По этим трубам десятки тысяч тонн в день струится нефти в запасные резервуары.

Трубы сплетались, свивались в глубокой дали. Снова попадались и снова исчезали. Все для меня было ново, интересно. Мысли роились, как вихри песка.

Словоохотливый инженер говорил без умолку. Хотелось помечтать, подумать, взвесить момент, подготовить голову для новых впечатлений. Но разговор мешал.

— Знаете, гр. Бородин, в старое время водка и карты больше всего мешали рабочим!

Он привел мне несколько примеров из личной практики. Не понимает он некоторых распоряжений правительства.

Общий вид Рамановской

Для него неясно, что такое избач. Он, вероятно представлял меня каким-то особоуполномоченным из Москвы, видимо, полагая, что есть какая-то должность при Наркомпросе — «избач».

Часто говорил: «Избач — это дело хорошее». И сразу переходил: — «Там вот у вас в Наркомпросе, в Главполитпросвете, как это и то»?

группы промыслов.

Я заявил, что с делами Наркомпроса знаком отчасти, только по газетам и журналам. Ведь я только избач.

— Да, да, это очень хорошо, что вы избач!

Сильный толчок и голос Некрасова вернули меня к наблюдениям.

— Смотрите, вон Сабунчи!

Картина, которую я увидел, осталась навеки в моей

памяти. Теперь еще зажмуришь глаза и видишь точь-в-точь все, что увидел тогда в Баку.

Вначале мне показалась пихтовая роща: остроконечные верхушки, раскидистые стволы, совсем сибирская тайга с лесными полянами. А вон и луг зеленый. Маревами умывается. Полощутся марева, словно кубовые холсты в весеннем ручейке.

Всмотрелся получше — и нет ни пихтовых рощ, ни зеленого луга. Темные пики нефтяных вышек, будто лесная заросль, утренней росой умывается. На пиках сарафаны из черной кисеи, словно хоровод девушек в сизых платьях, сцепившись, украсили склоны холмов. А луг зеленый — Каспий злой-презлой, яростно колышет волнами. Урчит на девушек, скалит зубы, как волк, полощет белой пеной рта подолы сарафанов. Хохочут девки утренним гудком над Каспием. Разносится хохот над волнами, над пустынями и маревами, зовет рабочую рать в об'ятия сизых сарафанов.

Проснулись люди труда.

Забрызгали лачуги одинокими каплями. Живые ручейки потекли. Стекаются ручейки в огромный поток. Все спешат на свое дело.

Девичий хоровод нефтяных вышек замусолен черной кровью, красив он лишь издали, а вблизи похож на обуглившиеся головни. Здесь все нефтью-кровью полито, все хмурится черной слезой. Черные тучи плывут над землей. Хмарь песчаная вьется драконом. Всюду нефть и нефть. Вон налево озеро Беюк-Шор плещется и кажется нефтяным. Хлюпают желонки, тартая агататовую нефть из бездны. Вампирами сосут черную кровь из земли насосы стальные. Верещит бьющая из земли нефть, заключенная в трубы. Ребра земли исколоты буровыми скважинами. Вышка к вышке льнет, и всюду нефть, нефть и нефть. Бежит она по желобам, по трубам, по канавам. Нефтяные реки, золотые берега. Куда ни посмотри, сочится бархатная влага.

Вышка, загоревшаяся от амбара.

Нефтяная жизнь. Керосиновое царство...

За этот день перед нами промелькнули Сабунчи с «пихтовыми рощами», Раманы с непроходимой зарослью, Балаханы, покрытые черной шалью, Сураханы; заводы, прильнувшие банными листами к телу косогоров, базары с лавчонками, ящиками без дна: жилища рабочих — лачуги царские, новые постройки города, сады.

Побывали мы и в храме огнепоклонников.

Любовались Биби-эйбатскими башнями и промыслом «Ильича» с новыми вышками.

Промысел «Ильича» начат засыпкой еще до революции, оборудован он был и приступлено к эксплоатации его только после национализации. И, так сказать, наш в полном смысле этого слова. Он находится на отвоеванной у моря засыпанной части бухты. Площадь в двести гектаров выдалась треугольником в седые волны Каспия, который с трех сторон омывает новинку советского творчества.

При царизме все нефтепромыслы были в руках частников. Частники добывали нефть хищническим способом. Не было единого плана. Одни разорялись в пух и прах на бесцельном бурении, другие сразу натыкались на нефть, делались миллионерами. Бурились скважины больше на авось.

Нефтяной вопрос теперь в центре внимания всего мира, потому что нефть главный рычаг индустрии — крупной машинной промышленности, главный продукт питания машин и станков. Теперешняя фабрично-заводская жизнь почти немыслима без нефти. Двигатель на заводе работает нефтью; мельница на селе работает нефтью; из нефти добывается бензин, керосин, разные смазочные масла. Сейчас большинство мужицких изб не может обойтись без продуктов нефти — керосина. Новая лошадь на селе —

трактор, тоже работает в большинстве на керосине. Автомобили несутся по городу — горит газолин. Аэроплан реет в облаках — на бензине. Примус и тот не горит без керосина, поджаривая картошку рабочему.

Машина, подшипники, разные валики без смазки вертеться не будут — заскрипят. Пословица говорит: «Не подмажешь — не поедешь», «На неазаной телеге не поедешь никуда». Везде нужна смазка. Тракторы и машины разные дегтем не смажешь, надо тонкие масла.

Все лучшие масла — нефтяные. Каждая ось вагонных колес смазывается нефтяным мазутом. Значит всюду и везде — нефть.

Нефть — черная кровь, переливающаяся по всем жилам заводской и сельской промышленности. Нефть нужна не только нам, она нужна всему миру. За границей еще больше потребляется нефти, чем у нас. Там больше развита промышленность.

Владелец нефти — господин мира. К нему все придут на поклон. Вот почему капиталисты каждой сильной страны стараются захватить нефть в свои руки. Теперь из-за нефти происходит мировая грызня. Английские нефтяные компании стараются захватить нефть себе, американские — себе, французские — себе.

Нефтяной туз Англии Деттердинг хотел взять у нас нефть на невыгодных нам условиях. Долго торговался с нами. Наши не пошли на кабальные сделки. Тогда этот господин поднял против нас травлю в мировой печати. «Не берите нефть у большевиков, она у них краденая!»

В старину интересовались нефтью меньше. А все-таки нефть, хоть и в небольших количествах, но потреблялась человеком уже давно и шла на лекарственные нужды; ею лечились от ревматизма и других болезней.

Бакинские жители пользуются нефтью с незапамятных времен. Арабский историк Истархис свидетельствует, что

в VIII веке нашей эры бакинцы за отсутствием дров пользовались землей, пропитанной нефтью. В VIII веке нефть вывозилась из Баку в бурдюках (кожаные мешки) на верблюдах не только в окрестные местности, но даже до Багдада [1].

Посетивший Баку в 1735 году Лерхе отмечает, что «в Балаханах (близ Баку) было 52 нефтяных колодца, посредством коих великий отправлялся торг. Он же указывает на целебные свойства нефти.

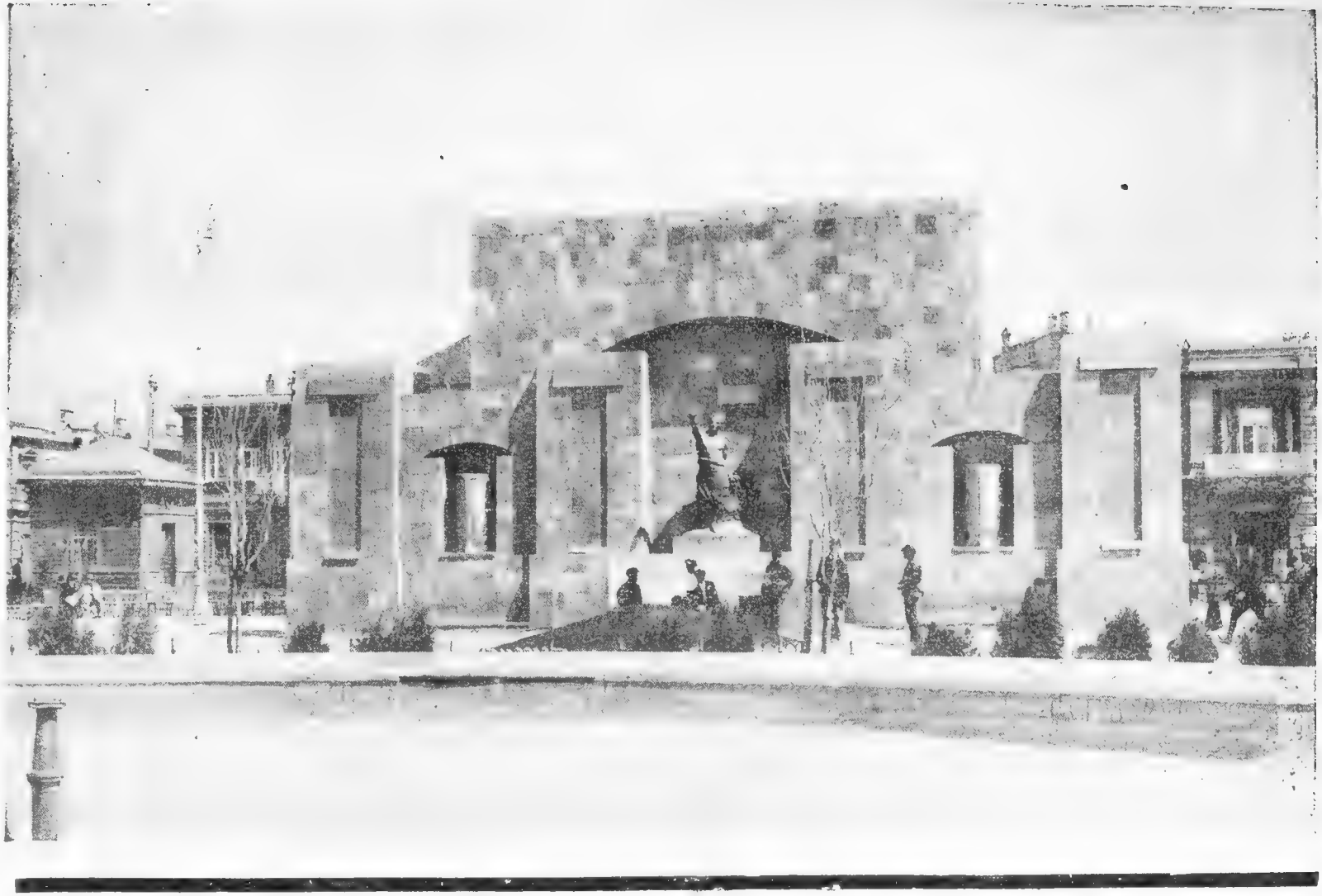
«Бакинские ханы в XVII столетии извлекали из нефти источники дохода. Сдавали нефтяные колодцы на откуп. Годовая добыча достигала до 200 тысяч пудов».

В 1723 году Петр Великий покорил Баку. Он сильно заинтересовался нефтью. В приказе генералу Матюшкину, взявшему приступом Баку, Петр Великий пишет: «Белой нефти перегнанной тысячу пудов, или сколько возможно, прислать и поискать мастера».

Однако Баку находилось во владении России всего тринадцать лет. Только в 1813 году Бакинское, Дербентское и Кубинское ханства были навсегда присоединены к России. Это время можно считать началом развития нефтяного дела на Кавказе.

До революции нефтепромыслы уже были довольно значительны по своим размерам. Добывались миллионы тонн нефти. В 1913 году было добыто около $7\frac{1}{2}$ миллионов. После Октябрьской революции, летом 1918 года, жадные до нефти английские империалисты при помощи меньшевиков и эсеров свергли Советскую власть в Баку. Поставили власть с богачами, дашнаками (кадетская партия), так называемый Муссават. Подчинили своему влиянию нефтепромыслы.

[1] Багдад—столица Ирака, находится в Средней Азии на реке Тигр в Мессопотамии, около 400 километров (ниже по Тигру) от древней Ниневии. В 100 километрах от развалин Вавилона.



Баку. Памятник 26 комиссарам.

Вскоре по ту сторону Каспийского моря, против Баку, около города Красноводска на пароходе «Туркмен» арестовали лучших представителей нефтяного пролетариата — двадцать шесть бакинских комиссаров.

Выдал на смерть комиссаров известный предатель Фунтиков. Тайно, ночью, якобы для отправки в Афганистан и Индию, увезли комиссаров за город, по направлению в Асхабад, где русские эсеры с помощью англичан между станциями Перевал и Ахча-Куйлла зверски расстреляли, прикололи и изрубили всех комиссаров — 26 человек.

Но рабочие не были на стороне захватчиков. Пролетариат увидел все «прелести» бесконтрольного грабежа и расхищения народного добра, об'единился, как один человек, и в 1920 году сверг власть муссаватистов и установил раз навсегда рабоче-крестьянскую власть. С этого времени «черная кровь» — нефть — стала достоянием Советской власти.

Однако добыча сильно упала. Имущество нефтепромыслов было расхищено, поломано, валялось в грязи. За 1920/21 год добыто было нефти только 2 460 000 тонн (150 млн. пудов), т. е. 33,4% в отношении к 1913 году, или одну треть против мирного времени.

Советская метла вымела частных предпринимателей. Источники нефти стали общенародным достоянием. Все нефтепромыслы слились в одно целое специальное предприятие, называемое «Азербайджанское нефтяное управление». Кратко — Азнефть.

Трудно было на развалинах старого создавать новое. В сумерках мрачных азербайджанских вечеров, под навесом нефтяных вышек мне не раз рассказывали рабочие, как они босые, голые, полуголодные, восстанавливали камешек за камешком Азнефть.

Дружно принялись рабочие за дело. Во главе управления стоял тогда глубоко преданный делу тов. Серебровский.

У ИСТОКОВ НЕФТИ

Пока нефтепромыслы были разрознены и находились в руках частников, некому было заботиться о средствах передвижения. «Добрые» хозяева, видно, не особенно любили беспокоиться о рабочих. Не беда, кость черная, доедет и в простом вагоне.

До Сабунчи двенадцать километров, до Сурахан — восемнадцать.

Нордост поднимает вороха пыли и мелкого песку.

Песок набивается за пазуху, облипает усталое потное тело при нестерпимой жаре в сорок градусов.

В простых да не особенно чистых вагонах езда не та, что в электрическом поезде.

Ранним утром по песчаному бурану рабочие тащились в этом поезде двадцать километров на работу, а вечером, после двенадцатичасовой работы, по спертой духоте возвращались домой в город. Сильный нордост протаскивал песок и в вагоны.

С 1920 года лицо земли начало мало-помалу изменять свой вид. Теперь бакинские рабочие имеют прекрасно оборудованную электрожелезную дорогу Баку—Сабунчи—Сураханы. Дорога называется по имени промыслов «Сабунчи» — Сабунчинка.

Я еще спал, когда за мной пришел в дом крестьянина рабочий азербайджанец.

— Ну, хочешь ехать на Сабунчи?

— Как же, как же!

— Одевайся живо... Хорошая погода, торопись!

Через полчаса мы подошли к новому вокзалу электрической железной дороги Баку-Сабунчи. Красивое, в три этажа здание, со стрельчатыми окнами и причудливыми башнями по углам на крыше. Перед под'ездом каменная,

чуть не во все здание шириной, лестница. Высокие двери. Площадка. Просторные залы. Несколько киосков с окнами для продажи билетов. Никакой задержки в очереди. Так и хлещет людская волна.

На перроне, возле вагонов, образцовый порядок. Несколько рядов стальных лент, запасных путей. Движение строго расписано. При посадке никакой давки. Перешел путь не в указанном месте — штраф. Штраф приучает «нахрапников» к дисциплине. Но применяется редко. Образцовый порядок, замечательная чистота и опрятность, повидимому, сильно влияют на рабочих.

— Знаешь, товарищ,— заявил мне спутник,— если б ты посмотрел, что творилось на старой дороге, ужас один: толкотня, давка, разбитые носы, а теперь гляди, порядок какой. Каждый сознает, что дорога наша и надо бережно к ней относиться!

Мы подошли к вагонам. Много я видел трамваев и вагонов первого класса, но подобных не встречал.

Передо мной лаковые стеклянные коробки, блестящие зеркалом со всех сторон. Масса больших стеклянных окон. Вагон залит светом дня, вечером — светом электричества. Пять таких полированных коробок уцепились одна за другую. Площадки перед входом в вагон крытые, в стеклянных окнах.

Рабочий азербайджанец схватил меня за руку и дернул в вагон. Раздался свисток отправления. В вагоне мне казалось, что я запачкаю своим потрепанным костюмом отполированные диваны. Я посмотрел кругом: рабочие сидели в черных замусоленных блузах.

— Садись, не прилипнешь, не бойся!

Вагон мягко двинулся. Паровоза нет. В передней части вагона, так же как и в задней, при входе небольшая стеклянная клеточка, там сидит один машинист. Ни углей, ни лопаты. Паутина на столбах. По паутине вагон-

ная железная скобка скользит. Паук-ток стремглав летит с электростанции. Повернул ручку — и пошла машина. Ни пыли, ни жары, ни духоты. «Ветер северный, дуй хоть спереди, хоть сзади». Все наглухо и плотно прикрыто, воздух не застаивается — вентиляция хорошая. Сюда уж песок не пролезет.

Здесь не устает, а отдыхает рабочий.

Пятнадцать минут — и мы в зарослях нефтяных вышек. Летим на промыслы.

Мы в сердце бакинских нефтяных промыслов. В сердце нефти СССР. Мое любопытство достигло высшей точки.

Что же такое нефть? Откуда она берется? Где и как зарождается? Как бурятся скважины? Каковы запасы? Какими способами извлекается? Как и куда перегоняется? Что и как из нее вырабатывается?

Хотелось видеть фонтаны нефти и газа. Что за «вечные огни»? Какова их природа? Как рабочие живут, относятся к власти, к постройке социализма? Хотелось видеть новые поселки, посетить старые лачуги, где еще вынужден жить рабочий. Быт, культнужды рабочих, их дома отдыха, профсоюзы, болячки, бюрократизм...

Всякие «как» и «что» буквально душили меня. Надо все узнать, со всем ознакомиться, по возможности изучить детали, записать... Хотелось молниеносно быть там и тут.

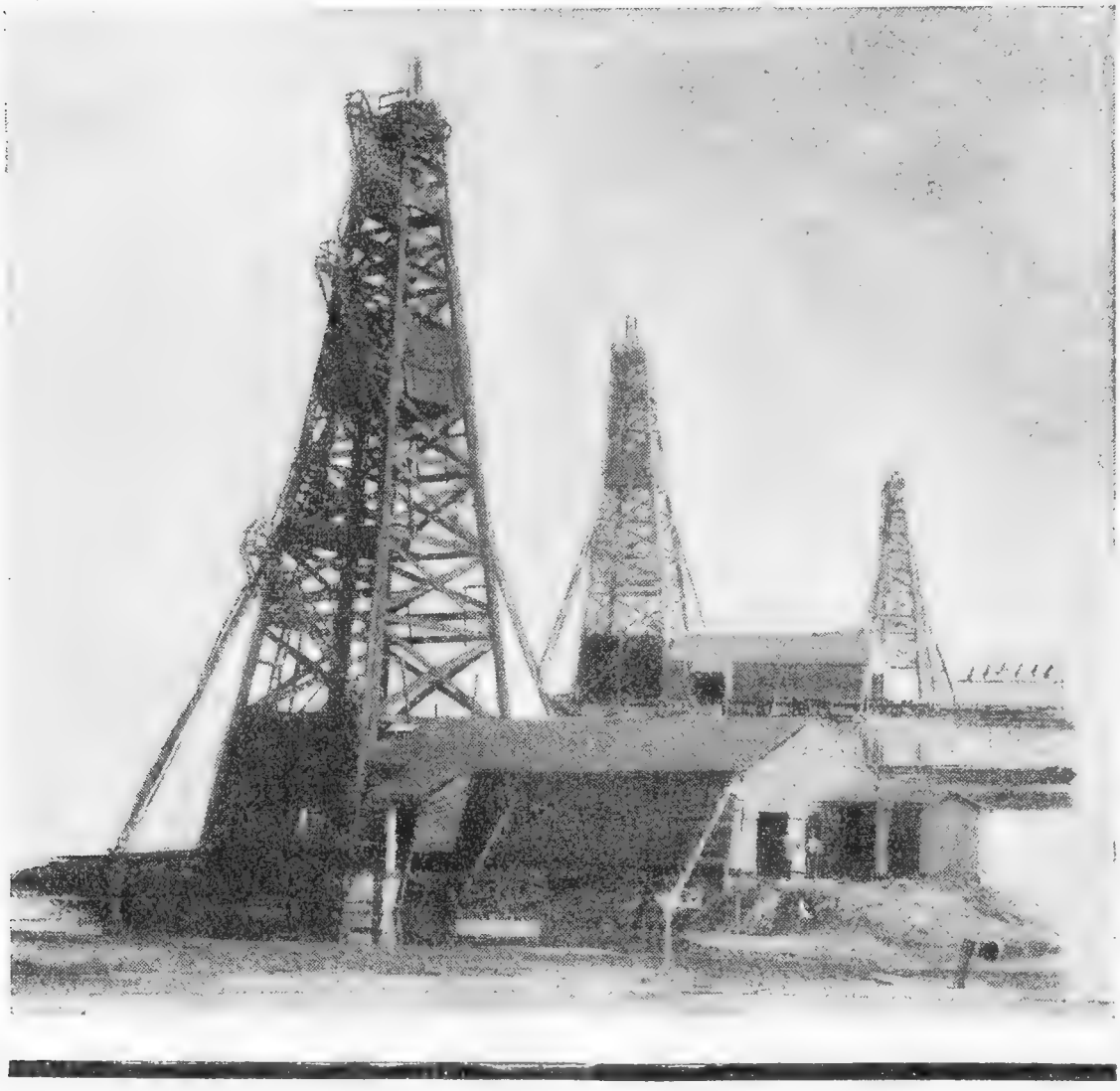
Однако, скоро сказка сказывается...

В конторе нам дали специалиста для пояснений. Он завел нас в самую чащу вышек.

Вышки эти почти все на один манер, и каждая похожа на деревянную четырехугольную башню в виде усеченной пирамиды. Высота около двадцати — двадцати пяти метров.

Инженер об'яснил нам, что вышки строятся для того, чтобы иметь над скважиной опорные пункты, где можно укрепить шкивы, через которые перебрасываются канаты

для спуска и под'ема бурового и ловильного инструмента, опускания обсадных труб и желонок для тартания нефти. В ходе работ требуется, чтобы рабочие находились на раз-



Нефтяная вышка.

личной высоте, для чего, кроме пола, вышка имеет внутри еще верхние и нижние площадки. Все это создает необходимость иметь указанную высоту вышки.

С двух противоположных сторон к вышке пристраивается два помещения. Одно (малый откос) — для хранения бурового инструмента, другое (большой откос) — для помещения бурового станка и двигателя. Глубина скважин, как увидим дальше, бывает больше тысячи метров. Чтобы работать на такой страшной глубине нужна сильнейшая машина.

Двигатель устанавливается в несколько сот лошадиных сил. Теперь при все большем господстве электрической энергии этот двигатель уступает место новому конкуренту. На место гиганта-машины ставят электромотор.

Я попросил инженера рассказать мне в краткой и понятной форме происхождение, способы отыскивания и добычи нефти. Начать так сказать с «азов» и постепенно, шаг за шагом, развернуть сложную картину работы над этой драгоценной жидкостью. Инженер пригласил нас в беседку, расположенную при конторе, и начал свой ученый рассказ.

Первые исследователи об'ясняли происхождение нефти чудесным образом.

«Некий варшавский богослов в конце XVIII века опубликовал мнение, что нефть содержалась в благодатной жирной почве рая. Когда дьявол соблазнил легковерную Еву и зло воцарилось на земле, то нефтяные вещества ушли в недра и там скопились» (Соколов. «Нефть». М. Р. 1928 г.).

Богословам подстать разводить турусы на колесах. Ученая мысль с этим не мирится. Ей нужны более обоснованные факты. Существует много предположений ученых. Из них два, так сказать, основных мнения.

Одно гласит, что нефть неорганического происхождения, образовалась вследствие разных явлений, происходящих в неживой минеральной природе при соединении воды с раскаленным углеродистым железом.

Такую мысль поддерживал знаменитый химик Менделеев. В лабораториях при химических опытах действия воды на раскаленный чугун ему удавалось получить нечто, похожее на нёфть.

Ученые предполагают, что внутренность земного шара сильно раскалена и состоит из железа в соединении с углем. По трещинам земной коры могла попасть туда вода, и там произошло химическое взаимодействие воды и углеродистого железа, взаимодействие, образовавшее нефть. Парами поднялась она до верхних слоев и здесь образовала залежи.

Такие предположения разбиваются о современную науку. Во-первых, таких щелей не может быть. Если они существовали, то были бы заполнены так называемой магмой, что выбрасывается вулканами. Магма не допустит воду до местонахождения железа.

Более справедливой гипотезой (предположением) считается гипотеза органического происхождения нёфти. По этой гипотезе нефть произошла из остатков растений и животных, когда-то живших в давно минувшие века. Теперь уже считается фактом, что каменный уголь безусловно растительного происхождения.

Вероятно, нечто подобное было и с нефтью. Громадные скопления растений и животных, неожиданно залитые водой и покрытые песком и илом, в течение миллионов лет, при своеобразных условиях земной коры и высокого давления, образовали подземные озера нефти.

В настоящее время ученым удалось добыть из угля жидкое топливо. Уже возникает вопрос о массовой выработке моторного топлива из каменного угля. Моторное топливо или нефть очень удобны при перевозках и хранении и крайне необходимы для двигателей внутреннего сгорания.

Рост потребления нефти скачет не воробьиными шагами. С каждым днем количество двигателей внутреннего сгорания растет десятками тысяч. Миллионы веретен горят жаждой минерального масла. Оси скрипят, подшипники поют песни о цилиндровом масле. Бешеная свистопляска гигантов индустрии заставляет задуматься человечество о массовой добыче драгоценной живительной жидкости и о подыскании новых источников. Но надо учесть, что имеется, и рационально использовать.

Попытку учета мировых запасов произвели два американских нефтеведа: Ю. Стебингер и Д. Уайт. В 1921 году ими составлена приблизительная таблица запасов главных нефтепромышленных стран всего мира.

Запасы исчисляются в тысячах баррелей. Один баррель около 125 литров. Как бы сказать, стодвадцатипятилитровая бочка нефти. Таких бочек еще недобытой нефти определяется в Соединенных Штатах Америки 9 миллиардов баррелей и приблизительно такое же количество имеет и СССР. СССР и Америка равны по запасам, но разница в том, что Америка с сумасшедшей быстротой и добывает и потребляет нефть. СССР во много раз медленнее. Все остальные страны имеют значительно меньшие запасы. Всего по свету насчитывается в данное время больше 70 миллиардов баррелей. Потому-то так и скалят зубы на нашу нефть иностранцы. Живьем бы слопали Баку и Грозный...

ФОНТАНЫ

Самое таинственное и величественно-красивое из всего мной виденного в Баку — «вечные огни» и фонтаны, которые мне удалось видеть не без приключения.

Сегодня я с моим старым спутником приехал на промыслы немножко позднее, чем вчера. Мы подходили к конторе, не спеша. Я разглядывал на ограде какие-то новые ящики с машинами. На ящиках непонятные надписи. Сквозь решотки видны колеса и снасти.

— Что это?— спросил я вертевшегося около ящиков человека в форменной фуражке.

— Оборудование для «вращательного бурения», получили из Америки. Закуплено было еще Серебровским.

Я хотел пуститься в дальнейшие расспросы, но мой спутник вдруг рванул меня за рукав с такой силой, что я чуть не упал.

— Смотри, вон бежит с крыльца конторы и кричит нам что-то вчерашний знакомый техник!

Оглянувшись, я увидел запыхавшегося техника. Он бежал, точно угорелый или сумасшедший.

— Эй, ребята!— орал он, оскалив зубы и размахивая руками.— Бежим скорее! Скорей, скорей бежим!.. и пробежал мимо нас.

У меня от неожиданности этого крика усиленно забилось сердце. Рабочий тоже, видимо, не понял в чем дело, открыл рот для вопроса, но спросить не успел, или догадался в чем дело.

Техник был далеко.

Мой товарищ моментально обернулся и тоже закричал:

— Братишко, бежим скорее!..

И опрометью бросился вслед за техником. Гляжу — еще несколько человек, стоявших на ограде, пустились бежать со всех ног.

Не понимая в чем дело и я полетел за ними.

Началась чортова гонка, мы бежали и припрыгивали будто подгоняемые стаей бешеных собак.

Я только одно соображал на бегу, перескакивая через какие- то бревна, бочки и ящики, попадавшиеся на дороге,

что случилось что-то неладное, жуткое, от чего надо удирать во все лопатки.

Земля ли провалилась, или бандиты с обнаженными шашками гнались за нами?

Не помню, сколько и куда бежали. У меня пересохли губы. А мимо мелькали заборы, вышки, сараи.

— Да что же случилось, от чего мы удираем? —догнав рабочего, закричал я.

— Да чорт тебя возьми, ведь мы не удираем от чего-то, а бежим к цели!

— К цели?

— Черти, торопитесь! — кричал нам рабочий. Мы его догнали.

— Расскажи, что случилось?

— Как что? Сейчас только-что сообщили по телефону, что вон на соседнем промысле забил мощный фонтан!

— Фонтан?

— Да. Вы вчера спрашивали о фонтанах? Сегодня, видите, как вам улыбнулось счастье!

Пробираясь по лесу вышек, мы услышали необычайный шум.

— Гляди, вон, вон, фонтан! — кричал техник.

Я остановился, как вкопанный.

Из верхней части вышки с грозным шумом и грохотом летела вверх гигантская черная струя метров на тридцать-сорок.

Причудливо завиваясь в кудри, струя всячески изгибалась, меняла направление, раздваивалась, превращалась в сноп колосьев, в многорогие вилы, разлеталась хлопьями и пучками во все стороны и, наконец, проливным дождем падала вокруг вышки, орошая громадную площадь.

Иногда измельченные хлопья нефти подхватывались налетавшими порывами ветра и уносились далеко на крестьянские поля.

Золотой огненный шар солнца горел под облаками, пламя его бурлило и нещадно жгло наши головы. Мне показазалось, что солнце вот-вот зажжет стригущими лучами темносеребристые клубы нефти.

А кудри волновались и волновались, принимая все новые и новые формы. Завивались из кольца в кольцо, или разметывались, или беспомощно падали на плечи вышек, или вдруг, как бы ободренные новым порывом радости, вновь запрокидывались в небеса.

В лучах солнца коричневые струи нефти переливались всеми цветами радуги. Отдельные брызги искрились бриллиантами и изумрудами. Порой мне казалось, что гигантские струи разорвут и сокрушат вдребезги всю вышку или поднимут ее над землей и унесут за облака.

Иногда струя фонтана поворачивалась ко мне, и я невольно отскакивал в сторону, снова смотрел, и не мог оторваться. Мимо меня суетливо бегали, что-то тяжелое подвозили хрипуны-тракторы, раздавались какие-то крики.

Я стоял в стороне, на косогорочке, и кроме фонтана ничего не замечал. Долго бы наверное я простоял, если бы мне не помешал мой спутник. Он уж несколько раз обежал вокруг вышки, весь обрызганный нефтью.

— Здесь новая скважина, и вот вдруг неожиданно забил мощный фонтан!.. Разломал крышку вышки, выбросил буровой снаряд далеко в сторону, ранил нескольких рабочих, и, обливая всех потоками, полетел кверху!

Такие фонтаны прежде здесь были не радость, а горе. В старое время они приносили громадные убытки хозяевам. Некоторые совершенно разорялись.

Фонтанирующая нефть разбрызгивается, смешивается с песком, и грязными лужами заливает пространство. Копают канавы и пускают ее в земляные быки-рвы. Здесь она испаряется, отдавая лучшие частицы (бензин) воздуху, или, подхватываемая ветром, уносит и заливает крестьян-

ские поля. Облитое поле надолго выбывает из строя (до десяти лет). За все приходится платить громадные деньги. В настоящее время стараются не допускать полета нефти в воздух. Заключают своевременно в трубы и по ним

Нефтяной фонтан.

отводят струи в железные амбары. Наполняется один амбар, наливают другой. Но бывает, что струи вырываются и летят вверх.

Техник подошел к нам и рассказал, что сейчас рабочие стараются на отверстие наложить вон ту чугунную плиту.

Плита в колено толщиной и с метр во все стороны накладывается для того, чтобы изменить направление струи и пустить ее по канаве в определенное место.

Со струей нефти летят мелкие камни и песок. Струя с такой силой ударяет в чугунную плиту, что очень быстро проедает ее насквозь. Мне показывали такие пробуравленные плиты. Не верилось, что это сделал фонтан. Другой способ состоит в надевании колпака с изогнутой трубой. К трубе привинчиваются другие трубы, и нефть катит через них в амбары.

Техник сообщил, что фонтаны бывают очень и очень сильны.

«В 1887 году 1 августа забил фонтан на бакинских промыслах бывшего «Бакинского горного товарищества». Фонтан действовал в течение месяца, выбрасывая в сутки до 5 000 тонн нефти. Если считать вагон-цистерну за 16 тонн, как обычно принято считать, то следовательно, фонтан выкидывал по 300 слишним вагонов нефти в сутки. Высота струи достигала 100 метров. Нефтяной песок заносило за несколько верст в город.

Фонтан действовал в течение месяца, несмотря на все старания остановить его. Он сокрушал все преграды, которые ставили ему на пути, и продолжал бить с прежней силой. Фонтан дал сотни тысяч тонн нефти на миллионы рублей, но, вместо обогащения, только разорил фирму. Он образовал целое озеро, затопил не только промыслы общества, но и многие соседние промыслы. Нефть упала в цене, и никто ее не покупал. Кроме того, фонтан наделал

такую массу всевозможных повреждений, что, когда владельцы соседних промыслов пред'явили иск за убытки, общество совершенно разорилось».

Бывали фонтаны еще большие, дававшие до 11 500 тонн в сутки. В Мексике, в Америке, фонтаны выбрасывали до 16 500 тонн в сутки.

Своевременный и правильно налаженный спуск фонтанирующей нефти дает миллионы рублей прибыли[1].

В недрах земли нефть залегает совместно с газом. Последний оказывает на нефть колоссальное давление. Когда пробурят скважину до мест хранилищ нефти, она, подталкиваемая газами, устремляется вверх, бурлит, клокочет, разрушает преграды, ломает машины, заливает нефтепромыслы.

Мне показывали несколько десятков таких фонтанов, заключенных в трубы. Со страшным шумом летит в них нефть. Стоит положить руку на поворот трубы, как немедленно убеждаешься в силе извержения.

Фонтанирующая нефть дает нашему государству миллионы тонн в год. Недавно опять сообщали в газетах, что в Баку и Грозном забили новые сильные фонтаны.

Раньше все эти капельки, струи текли в желоночки, и выливались в пазуху капиталистов, теперь они текут в общий советский котел.

Нефть — одна из важнейших отраслей промышленности нашего государства.

СПОСОБЫ ДОБЫЧИ НЕФТИ

«Благодатная» жидкость, как я уже сказал, находится далеко под землей. Иногда на сотни и тысячи метров. Бывает

[1] Львов—«В нефтяном царстве».

и близко к поверхности. В старину ее доставали простыми колодцами, где она собиралась на дне вместе с водой. Конечно, добыча была незначительная, выражалась в десятках тонн.

История указывает, что нефтью пользовались как топливом в глубокой древности. Знаменитый полководец Александр Македонский, проходя мимо Баку, облил мальчика «горящей водой» и сжег.

К 1872 г. добыча дошла до 23 тонн, исключительно колодцами.

В то время как в Америке еще в 1859 году была заложена первая буровая скважина, у нас дело бурения началось гораздо позднее.

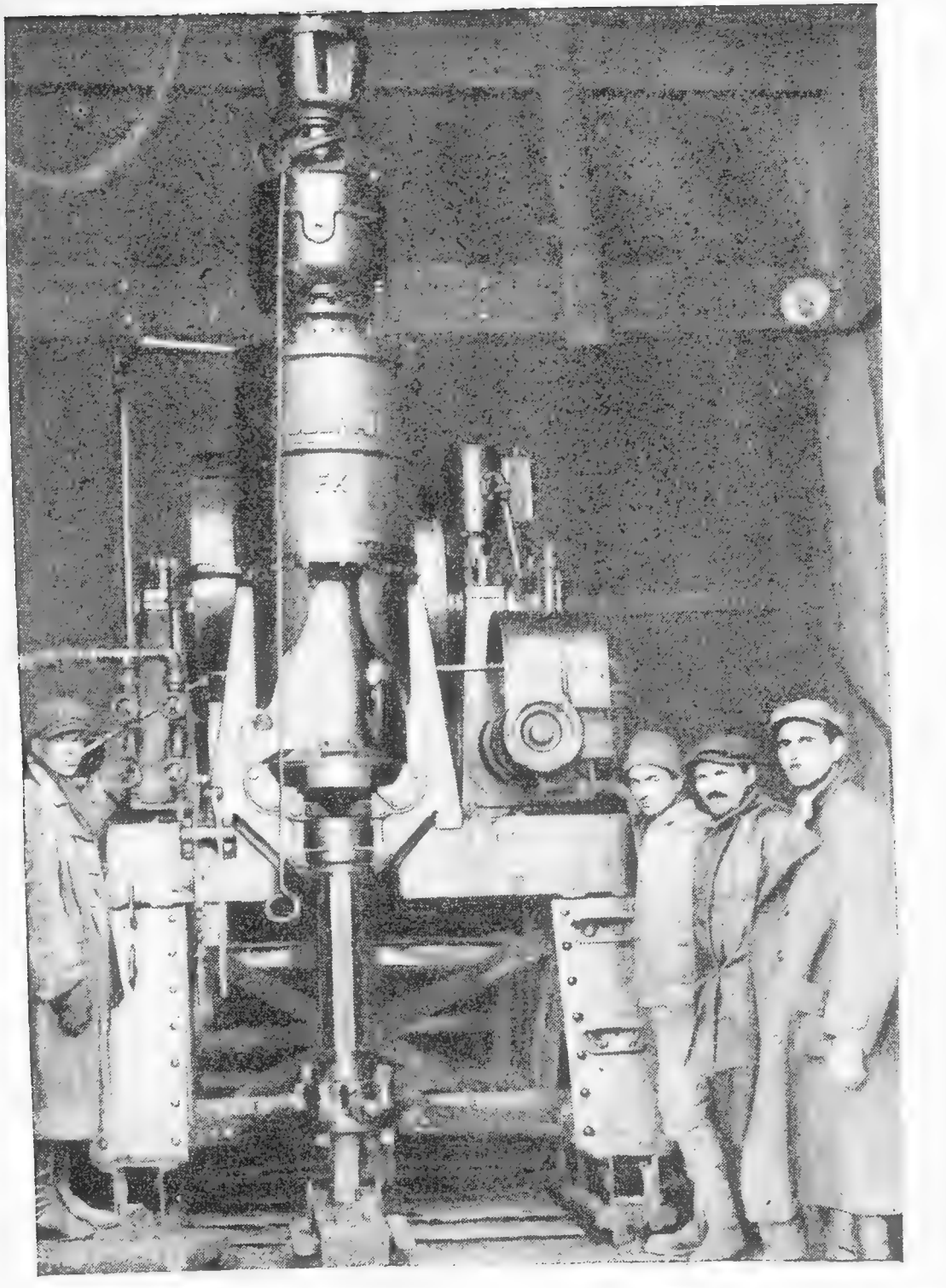
Хотя попытки применения бурения на Кавказе имели место и ранее, еще в середине 60-х годов, когда Кокорев и Губонин применили при добыче нефти буровые снаряды, однако царское правительство запретило применение этого способа, вероятно, на основании мнения Абиха, производившего по поручению правительства изыскания на Апшеронском полуострове и пришедшего к заключению, что буровой снаряд не может принести пользы в буровом деле. Только в 1871 году Мирзоев поставил первую буровую машину, а в следующем — вторую.

Бурение производилось примитивным способом при помощи балансира, лебедки и ручного насоса.

Когда в 1873 году на глубине всего двадцати восьми метров забил первый мощный фонтан, выбросивший в самое короткое время несколько десятков тысяч тонн нефти, бурение пошло с головокружительной быстротой. Увеличилась и добыча.

В 1876 году было уже добыто около двухсот тысяч тонн.

В настоящее время нефть достают с больших глубин. Колодцем достать нефть с километровой (одна верста)



Алмазное вращательное бурение.

глубины совершенно невозможно. Конечно, нефть лежит иногда и менее глубоко. Однако, во-первых, близлежащие скопления нефти давно израсходованы, во-вторых, развитие промышленности с двигателями внутреннего сгорания требует все большего и большего количества нефти. С этой целью производятся беспрерывные поиски новых месторождений, а на старых обследуются нижележащие слои. Для глубокого проникновения в землю ученые придумали бурить скважины, т. е. отверстия, похожие на трубу. Работа по проведению такой скважины называется бурением.

В начале при бурении применялась ручная сила. Теперь бурение производится посредством механической силы (двигателя). Существуют следующие системы бурения: ударное, ударное с промывкой и вращательное. Ударное бурение бывает штанговое и канатное. На особый инструмент насаживается штанга с долотом на конце и рубит породу, опускаясь все ниже и ниже. Иногда подливают воду. Ударная штанга длиною около десяти метров весит около тонны и больше. Когда земли или камня бывает нарублено достаточное количество, в трубообразную скважину опускают особое длинное ведро, называемое желонкой. Желонка, открываясь со дна, захватывает измельченную грязь — массу, и поднимается. При под'еме дно автоматически закрывается, и грязь выносится на поверхность. Вместо желонки, смотря по грунту, опускают иногда особый штопор, который, завинчиваясь в измельченную породу, увлекает ее потом за собой. Так постепенно в течение нескольких месяцев, а иногда и лет, вырывается скважина до месторождения нефти.

Пробурить скважину с метр в обхвате (на дне значительно меньше) и на версту глубиной оказывается не так просто, как кажется. Одна установка бурового инструмента требует тщательнейшего внимания: ведь требуется, чтобы трубы встали отвесно. Никаких укосин быть не

может, чтоб готовое потом отверстие на всю версту было не только отвесно, но и не имело никаких искривлений. Иначе как же по кривой или установленной не отвесно трубе будет ходить желонка или качать насос? Если искривления получаются на половине пути, то они не дадут продолжать работу. Всякое уклонение от отвеса сейчас же должно исправляться. Работа осложняется еще и тем, что когда отверстие пробуравлено довольно глубоко, начинают осыпаться бока. Надо крепить стенки. Тогда вставляются обсадные трубы. Само собой разумеется, чтобы продолжать работу дальше, нужно инструменты иметь уже меньшего диаметра.

Когда углубятся на несколько метров, приходится опять крепить стенки, опять нужно вставлять обсадные трубы. Эти трубы будут меньше первых, так как они пойдут внутри их. Снова пойдет бурение уменьшенным инструментом и т. д. В конце концов на дне труба будет уже много меньше той, что была вначале, и скважина будет иметь, как говорят, телескопический вид, или вид подзорной трубы (растянутой), как будто бы трубы были вставлены одна в другую, а потом их раздвинули. Так, если нужно, чтобы в конце труба имела 20 сантиметров диаметра, то в начале ставят трубу 80 сантиметров диаметром. Это при штанговом и канатном бурении.

Канатное бурение мало чем отличается от штангового Здесь вместо штанг вся работа производится на канате. Конечно, канат легче смотать, чем разбирать штанги. А ведь это часто приходится делать: при постановке обсадных труб, прочистке и т. п. Но зато, если случается проходить крутые наклонные пласты и притом из мягких в твердые, то скважина легко может искривиться, и нужно уже для точной работы большой опыт, и навык. Вообще вся работа по бурению требует от рабочих высокой квали-

фикации, уменья и навыка. Навык и уменье приобретаются путем упорной работы в течение многих лет.

Я видал опытнейших рабочих, проработавших на этом деле десятки лет. У такого рабочего долото, как говорится, играет в руке.

Ударное бурение с промывкой отличается от беспромывочного бурения тем, что здесь штанги пустотелы, т. е. представляют собой трубы, по которым вниз, к долоту, накачивается все время промывочная жидкость. Жидкость размачивает измельченную породу и выносит с собой на поверхность. Нагнетаясь по трубе, она вынуждена со дна скважины под давлением выходить обратно между штангами и обсадными трубами.

При канатном бурении вместо штанг свинчиваются трубы и в них ходит стальной канат. По той же трубе проходит к долоту жидкость, поступая так, как было указано выше.

Промывное бурение имеет те недостатки, что при нем трудно бывает следить за состоянием грунта, по которому идет проходка.

Иметь представление о пройденных породах почти невозможно. В буровом же деле крайне важно бывает знать, какую породу проходит скважина, чтобы определить местонахождение нефти и вообще изучить все слои, где содержится нефть. Важно знать, где можно уже ожидать встречи нефти и т. д.

При бурении с промывкой все зависит от слуха и опыта бурильщика, который по сотрясению инструмента судит о проходимой породе. Зато здесь работа идет гораздо быстрее. Не нужно спускать штопора или ведра (желонки) за породой и останавливать для этого всю работу.

Сураханы. Свинчивание компрессорных труб.

Все, что надолбило долото, жидкость вынесла наверх. Промывка должна производиться по возможности беспрерывно, так как остановка промывки дает возможность грязи, находящейся в промывочной жидкости, осесть вниз и засосать инструмент, так, что потом его не извлечешь обратно. Как только бурение кончается, инструмент поднимают на верх скважины.

Все управление находится наверху. Управлять сверху всей работой — нелегкая задача. Часто приходится проходить водоносные слои. Вода, конечно, мешает работе. Кроме того, если вода из верхних слоев пройдет в нижние, то она может залить нефтеносные слои и разогнать нефть в стороны.

Кроме крепления стенок скважины от обвала приходится крепить слой породы от проникновения воды в нижние слои. Вода может проходить не через каждый слой земли. Глинистые слои она почти не проходит. Слои же земли бывают разные — водопроницаемые и непроницаемые для воды. Вода таким образом проходит по одному слою. Если взять слой ниже под водонепроницаемым слоем, там уже будет порода безводная.

Для крепления почвы надо бутить и цементировать пространство между стенками скважины и трубой. Работа по «закрытию воды» называется т а м п о н а ж е м.

На бакинских нефтепромыслах тампонаж производится так: в скважину с водоносным слоем наливается жидкий цемент. Затем обсаживают трубу с закрытым деревянной пробкой отверстием. Раствор цемента обливает затрубное пространство, т. е. пространство между трубой и грунтом, затвердевает и образуется водонепроницаемый тампон. Пробка прорубливается, и работа продолжается дальше. Вода уже не проникает вниз. Чтобы не оставлять в скважине лишние трубы, части их вырезываются особым инструментом — труборезкой.

Самое сложное в работе буровых скважин — это извлечение случайно упавших посторонних предметов на дно скважины или оборвавшегося какого-нибудь инструмента, долота и пр. Для этой работы существуют особые хватательные инструменты. Если не удается извлечь упавший предмет, его попросту изрубают и извлекают вместе с породой. Изрубить железный предмет тоже не легкая задача. Работа, бывает, задерживается на несколько дней, иногда на месяц.

Чем глубже скважина, тем сложнее и труднее работа. Но разве может что-нибудь остановить человеческую предприимчивость и научную мысль? Всякое препятствие она хочет преодолеть и путем упорства и настойчивости преодолевает с течением времени.

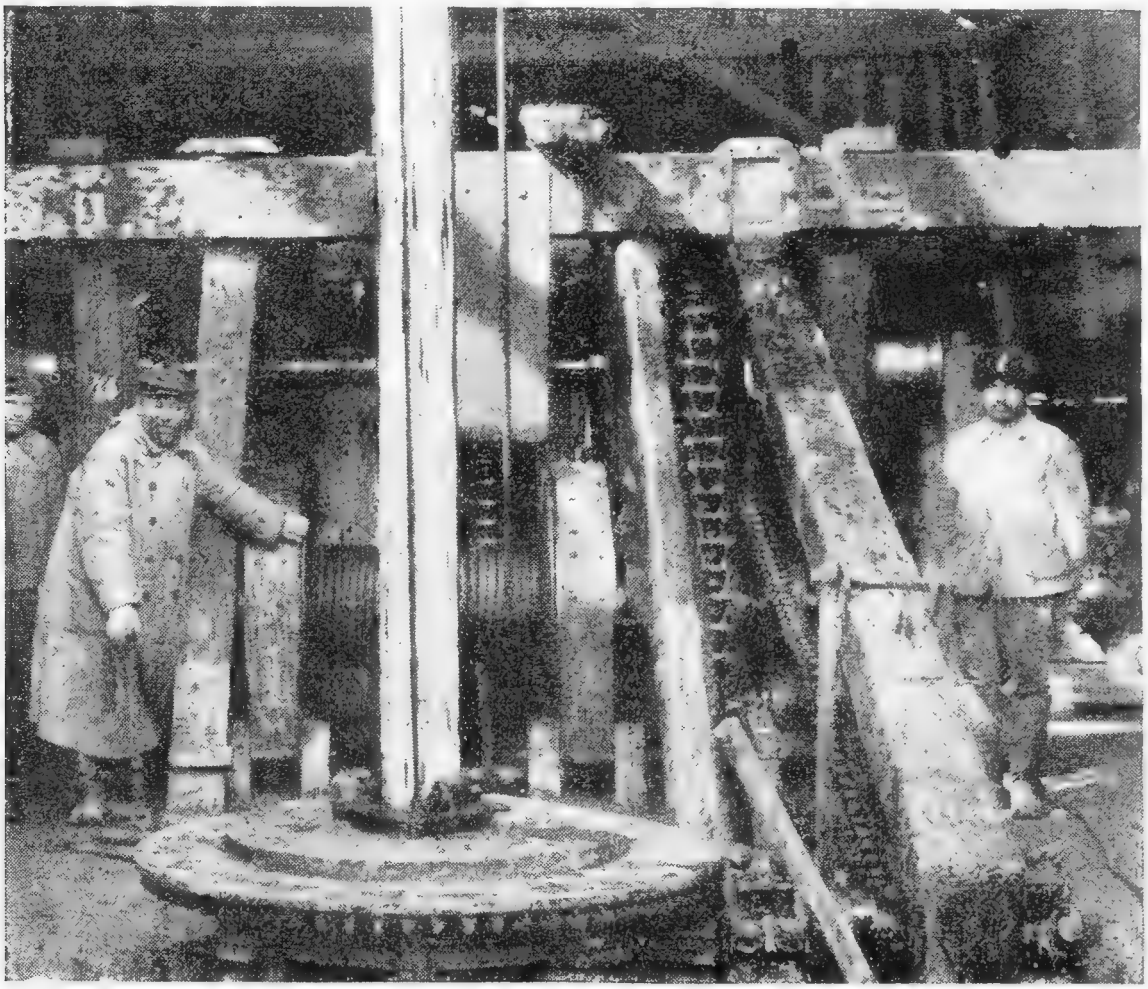
Сильно отличается от канатного и штангового бурения так называемое «вращательное бурение», которое применяется в последнее время на наших нефтепромыслах.

Быстрота работы с канатным бурением очень велика. Вращательное с промывкой бурение состоит в том, что устанавливается наверху большая труба через пол вышки, на конце этой трубы насаживается долото «рыбий хвост» или долото другого типа, смотря по грунту. В твердом грунте применяется долото особого устройства «Шарп-Юза».

Труба вращается специальным станком, как видно на фотографии, сверлит породу, в это время сильным насосом накачивается по «кишке» промывочная жидкость, жидкость размывает насверленную массу и выносит ее на поверхность по затрубам, между стенками скважины и сверлильной трубой.

Я часто наблюдал работу на таких станках. Замечательная работа и очень быстрая. Все кружится, страшно шипит,

верещит. Однако труба плавно погружается вниз, особенно при рыхлых породах. Муть промывочной жидкости рекой выливается на улицу возле вышки. По мере того как



Сураханы. Вращательное бурение, станок «Ойль Велль».

одна труба (длина 5—6 метров) ушла в землю, к ней привинчивается другая, и снова продолжается работа.

Здесь нехорошо главным образом то, что всю систему труб приходится вращать. Шутка ли вертеть восьмисанти-

метровые трубы на километр длиной. Какая нужна силища, чтоб повернуть километровый столб, а ведь он еще работает, да в нем нагнетен раствор, что увеличивает вес!

Можно вообразить, какова эта работа. Сколько нужно лошадиных сил! Двигатели имеют мощность в 90—120 лошадиных сил.

Для того, чтобы вертеть такую махину, нужны, как я уже сказал, сильнейшие двигатели. Для двигателей требуется топливо, да и сами по себе они стоют громадных средств. Раньше в качестве двигателей употребляли паровые машины, на содержание которых шло громадное количество нефти. Неудивительно поэтому, если, например, в «грозненской нефти на топливо тратилось около 10—16% всей добычи. Иными словами, если добыча района была 100 миллионов пудов, то на топливо тратилось от 10 до 16 миллионов пудов, при стоимости нефти 35 к. пуд. Это составит ежегодный расход в 3,5—5,6 милл. руб.»[1].

Самый большой расход по проходке и оборудованию скважин. Теперь мысль ученых направлена на разрешение задачи дешевого и быстрого бурения. При вращательном бурении вся колонна труб на сотни метров вращается машиной сверху, теперь идут попытки заставить вращаться только нижнюю часть, т. е. часть рабочую: долото с приспособлениями.

Необходимо несколько слов сказать о приборе Капелюшникова и буровом аппарате Вольского. Аппараты эти как раз вращают только нижнюю часть трубы.

Бур Вольского, как описывает А. Ф. Притула, имеет на конце, у дна скважины, долото, соединяющееся с поршнем, свободно двигающимся в цилиндре. Долото удерживается над забоем пружиной внутри цилиндра.

[1] А. Притула. «Как извлекается нефть из недр земли».

По пустотелой штанге накачивается вода. Как только скорость воды достигнет известного предела, долото прижимает пружинный клапан, и проход воды этим закрывается моментально, отчего происходит удар движущейся воды, который отнимает пружину, поддерживающую долото над забоем скважины, и заставляет долото падать на забой, при этом наносит очень большое количество ударов, до 1000 и более.

Прибор Капелюшникова имеет у забоя скважины водяное колесо, турбину, диаметр которого несколько меньше диаметра скважины. Турбина эта соединена в своей нижней части с долотом. Также по пустотелой штанге вода попадает на лопатки турбины, вращает ее и заставляет вращать долото «рыбий хвост» или другого типа. Вода с измельченной породой подымается вверх по пространству между штанговыми трубами и трубами, закрепляющими скважину.

Нефтеносные пласты приблизительно изучены. Если происходит бурение без промывки, то сравнительно легко определяют, где можно ожидать нефть. Во всяком случае опыт бурильщика имеет большое значение. Первоначально встречаются или газы, или начинают попадаться капельки нефти на поверхности извлекаемой воды. Если напали на залежь нефти, богатую газом, может пробиться фонтан, потому что газ давит с большой силой на поверхность нефти.

Первоначально выбрасывается газ. Если началось сильное шипенье, кончают работу, устанавливают кривоколенные трубы. По трубам хлынувший фонтан отводится в амбары.

Бывает, вместо нефти идет один газ. Раньше этот газ уходил без пользы, теперь его применяют, пускают для двигателей на отопление квартир рабочих.

Из газа, в виду того, что он подвергается сжатию и охлаждению, в последнее время в Грозном стали вырабатывать бензин. Бензин этот очень летуч. Быстро испаряется.

Количество фонтанирующей нефти очень значительно. На бакинских нефтепромыслах ее бывает до 30% по отношению к общему количеству нефти, добытому разными способами.

Нефть в спокойном состоянии раньше извлекали желонкой, которая в последнее время все более и более заменяется насосом. Мне показали такой способ.

Несколько азербайджанских рабочих, техник и я подошли к одной замусоленной вышке. Что-то стучало и хлюпало. Над трубой вертелись колеса, и вниз, в трубу, бесконечно далеко уходил канат. Когда мы подошли, канат опускался вниз. Я остановился около каната. Техник что-то рассказывал, я не слышал. Меня как бы увлекал канат за собой, в подземное царство нефти.

Канат между тем все шел, я потерял терпенье.

— Скоро ли?, Всю душу вниз утянуло!

— Следить!

Канат пошел заметно тише.

— Стоп!

Рабочий тартальщик повернул какой-то рычаг. Канат пошел вверх. Вдруг мы увидели длинное-длинное ведро. Оно поднялось под потолок, чакнуло, открылось дно, и по жолобу ручьем полилась светлокоричневая жидкость. Ведро это называется желонкой (длина ее 12 метров), а действие поднятия — тартаньем.

Я еще в Сибири слыхал поговорку:

«А ну, тартай его сюда! Давай, давай, тартай, тартай!» Глагол этот встречается в разговоре, а происхождения его я не знал.

Тартай — это значит: тащи наверх.

Диаметр желонки несколько меньше диаметра трубы, чтобы она не застряла в искривлениях. Желонка доходит до места нефти, набирает ее в открывающееся дно, при под'еме автоматически закрывается, и нефть выносится на поверхность. Тартать — большое искусство. Надо брать то воду, то нефть. Если вычерпывать только воду, возможен новый энергичный приток, и залежь может обводниться. Брать одну нефть тоже нехорошо!

Вода большой враг в деле добычи нефти и с ней обращаются весьма осторожно.

Всего с нефтью достается приблизительно 25% воды. Вода потом откачивается и спускается в море.

Хотя теперь и нефтяную воду хотят ученые использовать. Она, оказывается, содержит некоторое количество иода.

В Баку при мне шло испытание извлечения из нефтяной воды иода. Результаты были положительные. В скором времени мы будем иметь свой иод из нефтяной воды. Если дело наладится, года через два-три мы не будем ввозить иод из-за границы, а будем свой туда экспортировать.

Способ тартания нефти — самый варварский, захудалый и отсталый. Работа тартальщика весьма ответственная. Если он неправильно пустит желонку или засадит в искривлениях, плохое дело. Если же оборвется желонка на дне скважины, тогда совсем пропащее дело. Оторвавшуюся желонку почти не удается извлечь. Не извлекли желонку — пропала скважина.

При такой адской работе обслуживающие скважину получали самую ничтожную оплату от старых хозяев. Тартальщики в большинстве азербайджанцы, выходцы из Персии, работали за гроши. Питались кислыми лепешками и луком. Их «добрые» хозяева наживали миллионы и строили дачи за границей, куда во время жары отправляли своих деток на отдых. Миновали лихие времена, с ними

в область преданий отходит и желонка с тартаньем. Теперь желонка нужна только при песчаных скважинах или во время бурения.

Наши нефтепромыслы долго работали по-старинке. Баре нам оставили варварские способы добычи и бурения, вдобавок еще и в разрушенном виде. Несколько лет мы хромали на обе ноги, грызли землю бабкиными беззубыми деснами. Товарищ Серебровский положил начало новому нефтяному быту. В настоящее время лицо старых нефтепромыслов изменилось до неузнаваемости. Способ тартания составляет только 6%.

Куда бы вы не бросили взгляд, вы всюду наткнетесь на диковинные чудовища. Точно черные гагары или гуси китайские, мерно кивают шеями глубокие насосы. Железный очеп на железной подставке колыхается взад и вперед. На хвосте коромысла громадный груз. Хобот ушел, точно гигантская пиявка, на сотни метров в землю. Насосы расположены группами. Все электрифицировано. Многоногое чудовище через нити железных канатов регулирует математически точно рассчитанное движение нефтяных пиявок. Принцип взаимодействия и балансирования виден повсюду.

Одна группа сосунов вздымает комариные носы кверху, в это время другая группа опускает хвосты к самой земле.

Не картина — загляденье!

До трех десятков скважин разом блюет непрестанно нефтяным потоком. Обслуживает их один электромотор в пятьдесят-шестьдесят лошадиных сил. Раньше требовалось на это дело две-три тысячи паровых лошадок и сотня с лишним человек. Теперь здесь одному-двум человекам делать нечего. Сколько раньше пропадало нефти даром, буквально на ветер. Теперь капля единая не пропадет — насос все высосет; так высосет — будьте покойны!

Советская нефтяная промышленность шагнула из разрухи

1920 года через довоенный уровень 1913 года в американский темп.

В Баку говорят:

— Держи, братишка, курс на Америку!

ЧЕРНЫЙ ГОРОД

Восточная часть города Баку сплошь покрыта трубами, заводами, баками-амбарами. Здесь почти одни керосиноперегонные заводы. Вечный дым, духота, копоть, нефтяная грязь, масса трубопроводов. Рельсы железной дороги забрызганы нефтью; нефтяные испарения и пыль покрыли стены домов и крыши. Все черно, грязно и мрачно. Отсюда и название «Черный город».

Здесь главный пульс нефтяной жизни, настоящее керосиновое царство. По канавам течет черная вода, запах керосина и нефти. Жара нестерпимая. У меня закружилась голова. Спутник ободряет:

— Сейчас привыкнете: все пройдет. Вот смотрите: керосиновый завод.

Черный дым клубами вился над высокими трубами. Мы пошли к одному большому заводу. Управление завода, проверив наш пропуск, немедленно дало нам руководителя, который и повел нас.

К этому времени подошла рабочая делегация с Украины, молодежь и пожилые. Веселые ребята. Шум, гам, смех, крики.

— Ура! Керосин!

— Ура! Нефть!

— Ура! бензин!

— Грицько, бачь яка махина, го, го, го!

Мы соединились и пошли вместе.

Навстречу нам прошла смена закопченых грязных рабочих блуз. Нас приветствовали белые зубы.

Снова взрыв шума, рукопожатия, расспросы.

Наконец перед нами выплыл гигант, нефтяной резервуар на триста вагонов (около пяти тысяч тонн).

— Вот отсюда идет нефть и вот сюда по этим трубам поступает.

Руководитель показал нам систему труб и печей. Принцип перегонки нефти заключается в том, что нагретая нефть выделяет пары. Пары эти, охлаждаясь, дают первые сливки «самогону». Это будет бензин. Нефть перегоняется в другой гигант казан-куб и нагревается еще жарче. Эти пары охлаждаясь, дают газолин. Нефть идет в другие кубы, здесь температура увеличивается. Нефть, бурно испаряясь, дает керосин. После отгонки керосина остается сгущенная масса, называется она мазутом. Мазут идет для отопления пароходов, локомотивов, для смазки вагонных колес и пр. Однако мазут содержит в себе еще очень много ценных продуктов. Из него вырабатываются перегонкой разные масла.

Раньше перегонка нефти и мазута велась в отдельных кубах, периодически заполняемых и опоражниваемых. Теперь кубы соединены трубами, и отгонка идет непрерывно. Кубы первой батареи выделяют керосиновые продукты. Кубы второй — масляные продукты. Кубы расположены один ниже другого лесенкой. Из верхнего нефть переливается в нижний, и работа производится непрерывно.

В масляной батарее выделяются также и дорогие масла: для аэропланов, автомобилей, веретен прядильных машин в текстильном производстве. Большая часть этого масла применялась раньше для веретен. Откуда и пошло назва-

ние «веретенное масло». Затем идут масла большей вязкости, тяжелее удельным весом, гуще: машинное и цилиндровое.

Остаток после всех перегонок — смолистая, вязкая густая масса,— называется «масляный гудрон». Это чрезвычайно густое масло. Если его смешать с жидкими нефтяными продуктами, то оно годится на топливо. Если же его еще перегнать при высокой температуре, то из него получится твердая пористая масса — нефтяной кокс, заменяющий каменный уголь. Кокс замечателен тем, что от него почти не остается золы, а потому его употребляют в специальных производствах, где не должно быть много золы (например, в электротехнике). Из масляного гудрона вырабатывается асфальт для тротуаров. Если нефть содержит много смолистых продуктов, то из них прямо иногда готовят асфальт.

Во всех почти сортах нефти есть вещество, похожее на воск,— парафин. Бывают сорта нефти, где парафину содержится до 6%; выделяется он путем сложных процессов работы. Сначала отгоняют масла, а потом эти масла процеживают через специальные сита или, как выразился инженер, фильтруют.

Инженер провел нас возле всех батарей, подробно описывал прохождение нефти по трубам и часто постукивал железной тростью о переплеты чугунных труб.

— Вот отсюда идет нефть, отсюда, по этой трубе, идет пар керосиновый, вон там бензиновый и т. д.

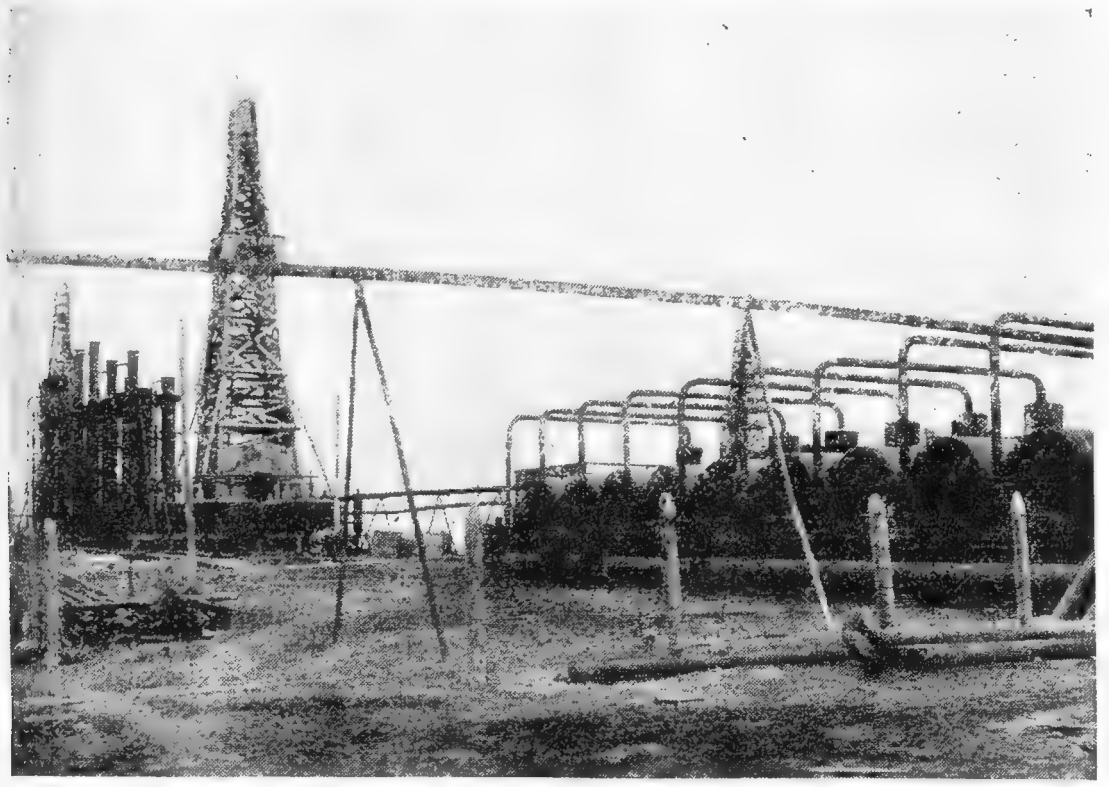
Я неотрывно глядел на чудище с массой кишок-труб.

Что-то страшное кипит в брюхатых казанах и переплетах труб.

— У нас ничего даром не пропадает,— говорит инженер.— Вот посмотрите сюда. Здесь идет по трубам отход от перегонки. В нем много тепла. Мы это тепло используем, когда по встречным трубам идет сырая нефть на перегонку. Таким образом мы экономим на топливе!

———

Бензин, газолин, керосин и масла после перегонки к продаже еще не годятся: в них много разных смол. Если такой керосин, желтоватый от масел, зажечь в лампе, он будет коптить.



Газолиновый завод в Суруханах.

Мы пошли всей группой смотреть, где производится очистка дистиллатов.

От солнца и жары выкатывались глаза. Дивчата перестали смеяться. Мы утомились, но любопытство гнало вперед и вперед. Никто не хотел сознаться в усталости. У меня от духоты застучало в висках. Однако об отдыхе и думать нечего.

Очистка дистиллатов идет разными способами, но самый распространенный способ — это очистка путем крепкой серной кислоты и едким натром (щелочью).

Мы зашли в срубленную заросль. Гиганты-баки, похожие на сказочные пни, окружили нас со всех сторон.

— Это мешалки,— говорит инженер.— Вот здесь очищается дистиллат. В закрытых мешалках масла очищаются кислотой, а в открытых — едким натром.

Мы вошли внутрь, поднялись по лесенке. Руководитель показал нам сначала мешалку до работы — сухую, и мы разглядели ее. Эта мешалка подобна громадной кадке с воронкой внизу; воронка сделана для того, чтобы по окончании работы можно было легко очистить мешалку от отстоя. В мешалку проведено много труб. По одним поступает дистиллат, по другим спускается вниз, по третьим дистиллат подогревается паром, по четвертым нагнетается воздух.

После того как мешалка заполнена дистиллатом, пускается воздух. Кислота замешивается при перемешивании воздухом, чтобы она не успела осесть на дно. Перемешивание воздухом продолжается около двух часов. Под действием кислоты содержащиеся в дистиллатах смолистые продукты окисляются.

Очищенный дистиллат называется «кислым» маслом. Его перегоняют в нижний этаж и здесь очищают окончательно щелочью. Щелочь от «кислого» масла отнимает все остатки серной и нефтяной кислоты и превращает их в соли. Соли растворяются в воде. Смесь снова отстаивается. Масло, как и керосин, всплывает наверх и сливается в другие баки. Керосин уже готов. Но масла еще нет, мешает присутствие воды. Масло подогревают опять в специальных сосудах и снова очищают воздухом, который, проходя пузырьками, уносит всю постороннюю влагу. Масло освобождается от воды.

Из щелочных отбросов керосина вырабатывается продукт «мылонафт», употребляющийся при мыловарении, наряду с животными жирами. Осадок после очистки серной кислотой называется «кислый гудрон». Из гудрона, полученного после очистки масел, делают асфальт.

Так мы обошли все сараи, навесы, поглядели на всякие приборы и аппараты. Я задыхался. Некоторые товарищи давно разбежались. Дивчат к концу деятельного осмотра осталось человек пять.

Работа на промыслах ужасно тяжела и вредна для здоровья. Пары от очистки нефтяных продуктов очень едкие, удушливые. Много пота и крови стоит керосинец рабочему человеку. Вот она рабочая жизнь — бакинская.

Баку — золотое дно.

Много я походил по заводам изо дня в день, больше месяца. Заглядывал в различные мастерские, лаборатории, металлургические заводы, подсобные предприятия, ткацкие фабрики, электрические станции.

Везде и всюду нужен труд — упорный, настойчивый, напряженный. Нужны навык, мастерство, высокая квалификация. Лентяю, лодырю, хулигану, пьянице тут нет места. Но кто захочет добиться — прольет семьдесят семь потов, а добьется.

Вспомнив в этой вот обстановке, среди машин и станков, нашу растяпистую старую деревню, невольно скажешь:

— Прав был сто раз Ильич, который сказал: «Нашей первой задачей является — учиться, второй задачей — учиться, и третьей задачей — учиться и учиться!»

„ВЕЧНЫЕ ОГНИ“

«Неугасимый огонь» глубоко вкоренился в сознание народных масс. Все племена складывали свои легенды о «вечных огнях».

Огонь — одно из первых завоеваний человеческой первобытной культуры. Человек, научившийся пользоваться огнем, из дикаря сделался относительно культурным человеком.

На всех языках сохранились предания и легенды о «похищении небесного огня». Прометей — древнегреческий герой, похитил огонь с неба, говорит греческая мифология. Перун-громовержец был «бог огня и грома». До сих пор в деревне чтут Илью-пророка, низводящего небесный огонь на землю.

Цена огня неизмерима. Первобытный человек отлично знал это. Надо понять, какое огромное значение имел для дикаря огонь, и ясно, что первые люди, открывшие его, в глазах предка должны были казаться «посланниками неба», «похитителями», «громовержцами», «прометеями».

Зверь боится огня. Огонь обогрел человека. Огонь дал ему вкусную пищу: поджаренное мясо, куда лучше сырого. Огонь стал счастьем и защитой его семьи, и человек не боялся оставить свою семью около огня в пещере. Огонь и обогревал и спасал ее от зверей. Женщина готовила обед на огне. Одно дело — сидеть впотьмах, в сырой и темной пещере, ежеминутно ждать пещерного медведя, змея, ящерицу, крокодила; другое дело, когда в пещере горит костер. Море огня. Освещены могучие своды подземелья. В гнезде тепло и уютно. Враг не смей подступиться!

Человек был благодарен огню и преклонялся перед ним. Он чтил и уважал людей, открывших его. Впоследствии, когда у человека стали появляться запасы пищи, нашлись люди, сумевшие использовать добрые чувства человека-труженика.

Эти люди стали выдавать себя за посредников, заступников, ходатаев перед могучими, давно умершими первыми «культурными» людьми.

Первобытный дикарь стал верить, что первые «похитители» — люди «всемогущие», они не могут исчезнуть навсегда. Они ушли на «небесную охоту», за новыми огнями, которые дадут действительно полное и настоящее счастье и радость, и отдых, и покой измученному в борьбе человеку.

Вруны-хапуги, видя простоту народную, сообразили, что этим легко можно воспользоваться для набивания своей утробы за чужой счет. Об'явили себя пророками и апостолами, христами и учителями, знающими тайну неба. Так появился культ огня и громовержцев, и возникла каста дармоедов-исусиков. Священный огонь и священный жертвенник.

Дикарю трудно было добывать огонь, спичек он не знал, а имел огниво и кремень, или такие способы добывания огня, как трение палочки о палочку. Раз добытый огонь надо было поддерживать в костре, в куче тлеющих угольев или в «огненном колодце».

Невольно явилась мысль: «Хорошо бы иметь «вечный огонь».

И жрецы нашли такой огонь. Огнедышащие горы (вулканы) служили хорошим показателем «вечных огней». Попы на этом деле зарабатывали не малую толику!

Наконец найдены были еще более «чудесные» места, где залегают нефтеносные слои и идут горячие нефтяные ис-

парения — газы. Газы пробиваются на земную поверхность. Достаточно громового удара или другой какой причины, вызывающей искру, газы сейчас же воспламеняются. Испарения будут гореть, пока не прекратится их подача из-под земли, с мест нефтяных залежей. Горят они красиво и долго, колыхаясь красно-синими лентами в воздухе.

Где выделяется меньше газов, там они разносятся ветром и не загораются. Если вырыть в таком месте небольшую яму, газы скопятся в большом количестве. Поднеси спичку — и они вспыхнут и будут гореть. Зарой яму — и не будет огня.

В глубоком колодце газы скопляются обильно, дают непрерывный жаркий поток пламени. Над таким колодцем можно готовить пищу.

Первобытный человек, видя такие огни, конечно, должен был по темноте своей признать их «огнями божьими». Он еще не знал, что это такое, не мог определить ни свойства нефтяных газов, ни их состава. Он только мог констатировать факт вечного горения, и самое большее — научиться пользоваться этим огнем, и все.

Но попы и колдуны применение огня для производственно-хозяйственных целей использовали как оружие затемнения трудящихся. Жрецы употребляли «вечные огни» для околпачивания темного люда и выжимания доходов. На месте выхода подземных газов «Богу вечного огня» устраивались алтари и жертвенники, возводились молельни и храмы. Распускали слухи о чудесах «огня-чистилища», который якобы очищает душу человека от грехов, забот, невзгод и дает радость и покой: «Все на поклон к божественному огню!»

Лозунг попов и слава о «вечных огнях» разносились паломниками (богомольцами) по всему свету. На молебствия, на церемониалы жертвоприношения «великому все-

поедающему огню» с разных концов земли направлялись сотни и тысячи верующих.

Огнем неугасимым не только «лечили» верующих, им больше всего запугивали. Каждый видал и знает силу огня, например, в лесных или в степных пожарах, когда пылает сухая трава (палы).

Жрецы наделяли огонь разумом, говорили, что это особый бог. «Вечные огни», утверждали попы, куда лютее и сильнее «невечных». Крепко запал этот огонь в голову верующих. Меня в детстве отец каждый день пугал: «Бойся, сын, огня вечного, неугасимого. Он на том свете горит день и ночь. Там идет плач и скрежет зубовный всех умных, кто бога ослушался!»

Пугал меня отец, пугала бабка и страшил в церкви поп.

— Вот ужо огонь попалит вас всех!

— Река огненная потечет с востока на запад и смоет всех грешных!

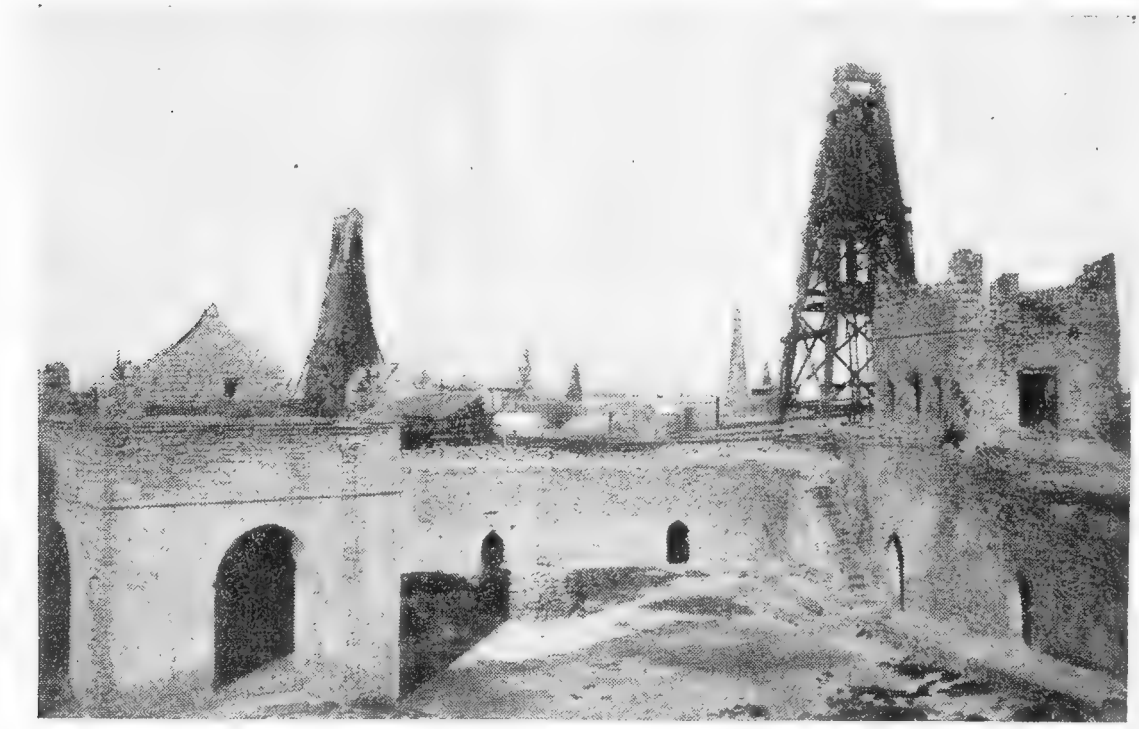
— Земля очистится духом огня!

В двадцати километрах от Баку есть место, называемое Сураханы. Здесь, под глубоким слоем земли, от века залегают богатые запасы нефти. Идет нефтяной газ.

В незапамятные времена жрецы соорудили здесь храм огнепоклонников. Храм этот называют тюрки — «Атешга», он по преданию построен попами, прибывшими из Индии. Известно, индусы народ падкий до всяких чудес и фокусов. Я слыхал об этом храме еще в Сибири, хотелось поглядеть его.

На довольно живописном возвышении расположен этот храм. При нем устроен монастырь для монахов и паломников. Монастырь имеет неправильную пятиугольную фор-

му. Каждая сторона около сорока метров. Мрачные серые стены четырех-метровой высоты сторожат храм. Ворота имеются только в северной стороне, но через них теперь не ходят, а поднимаются по небольшой лесенке, через калиточку, на крышу монастыря. Инженер, заведующий промыслом, в районе которого находится храм, отпер калитку, и мы с товарищем забрались наверх.



Общий вид храма огнепоклонников.

Храм окружали пустынные дикие холмы песку и колючек,— теперь он окружен нефтяными вышками, заводами, газовыми ловушками. Высокие стены вышек, как часовые со штыками, охраняют покойный, омертвевший храм.

Я поглядел внутрь ограды. Меня охватило волнение. Здесь совершались когда-то свирепые жертвоприношения

«богу огня». Мне показалось, что я вижу толпы богомольцев, окружающих храм. Изнуренные долгим и трудным путешествием лица лихорадочно горят. Глаза с надеждой и страхом возведены на неприступные стены монастыря. Они у цели. Они у страшного огнечистилища. Но ворота еще заперты, еще не настал момент входа в «святая святых». Жрецы с лукавой улыбкой поглядывают в щели врат на богатые дары, принесенные богомольцами, и нарочно томят ожиданием, чтоб еще больше усилить впечатление торжественности от церемонии жертвоприношения.

— Подождут часок, другой!

— Куда торопиться!

Инженер обратил наше внимание на внутреннее устройство монастыря.

— Вон,— сказал он,— на средине этого пятиугольника возвышается храм огнепоклонников. Он, как видите, представляет квадрат, каждая сторона которого равняется приблизительно пяти с половиной метрам, и около десяти метров высоты. Храм открытый, стоит на четырехугольных каменных колоннах, соединенных полукруглыми арками, и покрыт низким голубоватым куполом. Весь монастырь и храм сделан из камня и имеет четыре двери. Пол приподнят на семьдесят сантиметров, и на середине находится небольшое углубление. Когда-то тут был колодец в десять метров глубины, в нем горел вечный, неугасимый, «святой» огонь. Это самая главная святыня. Теперь колодец завален.

Внутри каждой колонны проложена железная труба, по которой проходит газ. Над крышей пылает газ, «вечные» огненные языки.

Этот храм сравнительно новый, он построен на месте древнейшего храма. На северной стене имеется надпись

на санскритском (индусском) языке: «Во времена святого владыки Викрамадитья в этом месте священного огня, я, Канганагар, пришедший из Дараваджабадана, кающийся обитатель Рамадити, почитатель князя Коты, почитатель Махадевы (Сивы). В восьмом Джавад год 1866». Подразумевается: «построил этот храм» в 1866 году, что соответствует нашему 1810 году. Индусская эра началась от царя Вихрама в 56 году после начала нашей эры.

Над воротами монастыря, с северной стены, устроена комната, называемая «бляхане». В ней помещали особо важных, богатых и «святых» гостей. От «бляхане» спускается лестница в ограду.

Мы пошли посмотреть гостиную, из окон ее хорошо было наблюдать за всем ходом жертвоприношений и молитвословия.

К наружной стене примыкают 24 кельи. Над кельями плоская крыша. Размеры каждой кельи около пяти метров длины и четыре ширины. В некоторых кельях чуть заметны плохонькие цветные рисунки (растения и фигура бога Кали). В кельях сохранилось нечто похожее на алтари. Когда-то и здесь горели огни.

По рассказам старых путешественников, храм с огнями представлял необычно красивое и «таинственное» зрелище. Ночью красно-синие, голубые, фиолетовые столбы огня, выходя из колодцев и труб, облизывали черное азербайджанское небо. Унылая дикая пустыня далеко освещалась «вечными огнями».

Вероятно в таких местах и созданы рассказы о страшных адских обителях, о чертях и дьяволах. Ад, по понятиям кержаков, являет собой гору контрастов: яркого света и тени, мрака и огня, кромешной тьмы и вечного сияния, страшной жары и адского холода, ликования дьяволов и страдания грешников. Огонь всех цветов радуги чередуется с тьмой.

Воздух, насыщенный газами и испарениями нефти, тяжелый и удушливый. Ночь какая-то зловеще-мрачная. В таком мраке вдруг среди ночи сорвется злой ураган, клубы песка и пыли. Завоют шакалы, застонет непогода. Песчаные вихри осветятся крутящимся пламенем «вечных огней».

Верующий люд, распростершись ниц, должен был лежать за оградой монастыря и ждать появления зари как избавительницы от ночных страданий. Ночь же сильна своими ужасами и страхом. Для истомленного, голодного путника-богомола, находящегося в священном трепете, такая ночь действительно представляет сказку из «тысячи и одной ночи».

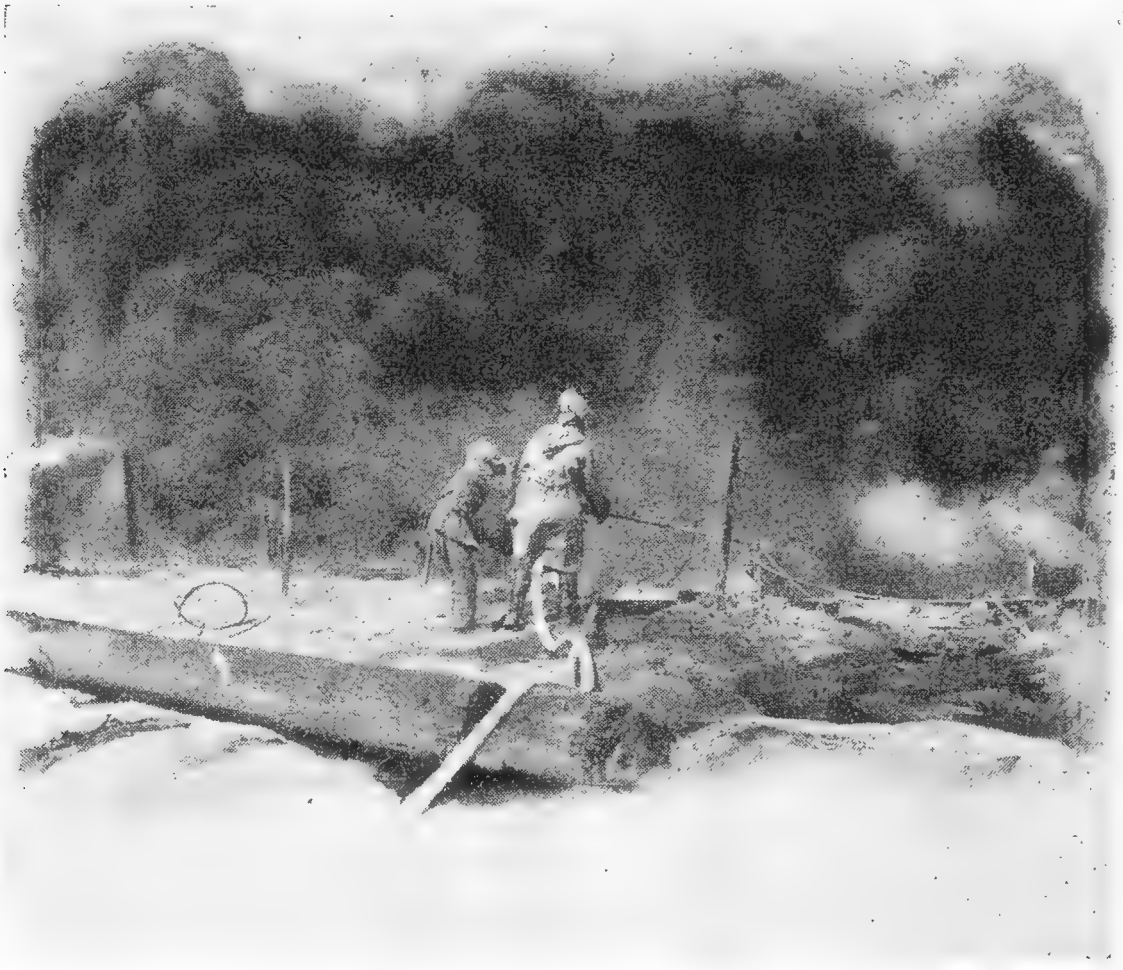
Я вообразил себе, что мог передумать в такую поистине чертовскую ночь бедный пилигрим. Кроме ужасов он еще задыхался под бурей песка. Его пронизывал злой ветер. Тело, покрытое холодным потом, раз'едало пылью. В гостинице ему не было места. Его квартира под колючим кустарником среди зноя и тьмы. Из-за ограды слышатся стон, плач и рыдания. Сжигают трупы на священном огне.

У индусов существует обычай сжигать трупы умерших для того, чтобы дать возможность бренному телу легко уйти в святую «нирвану» на семьдесят седьмое небо.

Действительно, дикарям казалось невероятным возникновение огня из ничего. Я долго ходил и заглядывал в каждый колодец, в каждую щель храма. Теперь уже давно погашены последние огни. В начале двадцатого столетия исчез последний монах. Храм не раз обращался в развалину. «Культурные» английские войска, стоявшие здесь, разрушали остатки. Только недавно Азнефть, по распоряжению бывшего начальника тов. Серебровского, в 1925 г. отпустила три тысячи рублей на восстановление этого замечательного памятника первобытной культуры.

Храм во многом восстановлен, стены исправлены, проведены трубы под газ. Огни зажигают только для военных делегаций и с'ездов Советов. Храм представляет прекрасную демонстрацию поповского околпачивания и служит в наши дни целям антирелигиозной пропаганды.

На «вечных огнях» каждый верующий легко может убедиться, что силы природы не почитать надо, не преклоняться перед ними, не искать в них богов и промысел всевышнего, а надо изучать и направлять на службу человеку.



Тушение пожара на промыслах.

Около храма устроены буровые снаряды и приборы по ловле и извлечению нефтяного газа. Газ по трубам идет на заводы, вертит машины, освещает и отопляет несколько тысяч рабочих квартир. Божий огонь, «опалявший души грешников», теперь обжигает советские кирпичи.

НОВОЕ

Православный поп, сектантский проповедник из шкуры лезли, проповедуя «слово божие». Они учили: «Не муж от жены, но жена от мужа». Не муж создан для жены, а жена для мужа». (1 Кор. 2, 3—10). А потому: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как господу, потому, что муж есть глава жены». (Ефес. 5, 22—23).

И жены повиновались, несли ярмо покорности до гроба. И была пословица, вероятно, выдумана на основании «божьего» учения: курица не птица, а баба не человек. Кроме повиновения, «святые» отцы требовали еще страха перед мужем: «Жена да боится своего мужа». (Ефес. 5, 33).

«Пьяный муж на ярмарке день-деньской торчит, а домой придет, бабу за косы тащит»,— говорят сибиряки.

Поневоле забоишься мужа, коль на кулаки волосами попадешь. «Баба — волос долог, ум короток»— твердили наставники и благовестники христовы. А потому, будь смиренькая, тихонькая, «сиди у печи да пеки калачи».

А если б вздумала учиться, то пусть: «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью: а учить жене не позволяю, ни властовать над мужем, но быть в безмолвии, ибо прежде создан Адам, а потом Ева». (1 Тим., 2, 11—13).

Не лучше дело обстояло и с азербайджанской женщиной. Здесь изуверство и фанатизм пошли еще дальше.

Апостол Павел учил: «Жене главу не покроему имети срам есть». Мусульманский «шариат» Аллаха и Магомета заповедал закрывать не только главу, но и лицо и руки. Для женщины сшивалось черное покрывало с двумя щелочками для глаз и сеткой для дыхания. Наряд этот назывался чадрой. Женщина в нем похожа на черный пень или огородное чучело.

У нас ребятишки и девчонки, играя в прятки, одевают на виноватого черный сарафан, с повязкой выше головы. Так ходила веками и бедная тюркская женщина. Снять покрывало — все равно, что потерять честь невинной девушке. Мулла уверял, что больше этого греха для женщины нет. Избавиться от этой маски она могла только в домашней обстановке, в присутствии своего мужа. Во все остальное время обязана сидеть закрытой. Часто еще и теперь встречаются женщины в чадре. По приезде я встретил на вокзале целую семью под этими «чортовыми крышами».

Вероятно еще бы сотни лет сидела тюрчанка бесправная и закутанная чадрой. Однако настал конец бесправью. Сейчас же после первых красных выстрелов пронесся советский ветер. Ветер начал развевать вековой туман Аллаха. Как только смылся последний сапог муссаватской власти, освобожденный рабочий-азербайджанец освободил и женщину-сестру. Мусульманка стала не только свободной женщиной, она получила все права гражданства. Она стала выбирать в Советы и получила право быть самой избранной. Муж, имевший власть над телом и душой жены, теперь обязан подчиниться советским законам. За всякое притеснение жены должен отвечать перед пролетарским судом.

Почувствовав полную свободу, женщины тюрчанки начали организовываться под руководством Азербайджанской коммунистической партии.

Рабкоры-тюрки показали мне, как некую гордость Азербайджана: «Тюрский женский клуб имени Али-Байрамова».

Али-Байрамов — один из пострадавших за революцию.

Роскошное трехэтажное здание красуется в центре города, на углу двух улиц. Здание в чистейшем готическом стиле; снаружи и внутри опрятно и чисто. Я с большим удовольствием осмотрел клуб. Зам. заведующей Таирова и секретарь Селимова рассказали мне, что клуб существует с 1920 года, имеет членов 1 409 человек, женщин тюрчанок.

Клуб обслуживает только трудящихся: работниц и крестьянок. В клубе на первом плане культработа.

Женщина может приходить в чадре, снимать ее никто не принуждает.

Голова тюрчанки настолько забита муллами и родителями, что зачастую свое ярмо она считает, как самим богом установленную кару за грехи прародителей. Покорно несет и не желает освобождения. Боится, как бы аллах не убил.

Работа идет нелегкая. Оказывается, гораздо труднее выбить дурман, чем вбить.

Перво-наперво стараются неграмотную мусульманку хоть мало-мало обучить грамоте. Клуб имеет ликпункт. Стараются всесторонне охватить, обслужить и заинтересовать труженицу. Тут имеется профтехшкола с разными мастерствами: сапожное, ковроткацкое, кройки и шитья.

Мы с рабкором заглядывали туда, где занимались более осовеченные мусульманки. Сидят, усиленно работают. На нас как-то робко поглядывают. В некоторые отделы, где еще не снята чадра, нельзя входить.

— Чего надо?— спрашивают некоторые.

— Ничего не надо, работайте!— смеются рабкоры.

— Вас поглядеть пришли!

— Чего глядеть, погляди!

К нам подбежала комсомолка в красной повязке.

— Айда, товарищи, смотреть красный уголок! Она показала нам зал-читальню, разные тюркские газеты и журналы, картины и плакаты советского содержания.

— Ячейка комсомола у вас есть?

Глаза тюрчанки заблестели, как два агатовых шарика, только что вымытых в глубинах Каспия.

— Как же,— гордо кивнула она головой,— сто двадцать пять человек.

— У них даже партийные есть!— сказал рабкор.

— Неужели у вас есть тюрчанки коммунистки?

— Ячейка ВКП(б) пятьдесят три человека!— с такой же резвостью и весельем перебила нас комсомолка,— пятьдесят восемь человек пионеров!

— А как у вас художественная часть?

— Есть. Слышишь рояль? Есть хоркружок, драмкружок и музыкальный!

— А как литература?

— Есть, есть: кружок рабкоров и политический, своя стенгазета, кооперативный кружок, кружок подготовки руководителей детских садов. Есть кружок изящных искусств и художественный!

— Хорошо все. Однако, как же ваш клуб будет посещать замужняя женщина с детьми?

— Тов. Таирова, покажи им ясли...

— Ну, девка! Молодец на все сто процентов!

Отраднее всего, что мне пришлось видеть в Баку, это новое рабочее жилье. Ни о чем подобном при капиталистах не мог думать рабочий. В душных хлевах сидел труженик.

Страшный ветер засыпал его песком. Днем и ночью духота томила в тесных клетках. Все уродливости и непорядки, а их немало мне пришлось видеть в Баку, я забывал на время в американских особняках, за чашкой чая, в кругу рабочей семьи.

Хорошо зная, что хозяин чаепития потомственный рабочий, я с искренним уважением поглядывал на его трудовые руки и радовался тому, что и рабочий может жить по-человечески.

Интересно, что спецбратия всегда втречала меня с каким-то холодком и равнодушием, а рабочие — с теплым приветом и искренностью.

С сыном рабочего, у которого я остановился, с Петькой, мы побывали в восьми поселках, где выросла не одна сотня новых рабочих домиков. Больше всего мне понравился поселок вблизи сабунчанских промыслов. Расположен он под скалой. Поселок называется именем Степана Разина, как и пещера, находящаяся на скале, в которой, по преданию, будто бы Степан Разин провел первую ночь с персидской царевной.

Некогда мрачная долина теперь оживлена тысячами огней. Сады и скверики украшают поселок. Постройки на заграничный лад, особнячки выглядят, как игрушки в магазинных витринах за стеклом...

Теперь, при новой стройке старые рабочие «квартиры» беспощадно уничтожаются. Не остается камня на камне. Это не правильно.

Необходимо несколько конур, в которых жили рабочие при капиталистическом строе, сохранить. Может быть даже обстроить их новым зданием. Их нужно сохранить как память о проклятом прошлом, чтобы внук мог привести

правнука и показать воочию то, что никогда не вернется. Нужно сохранить не только памятники буржуазного искусства, нужно сохранить и памятники буржуазного гнета, закабаления, старого быта и прочих «прелестей» ушедшего мира.

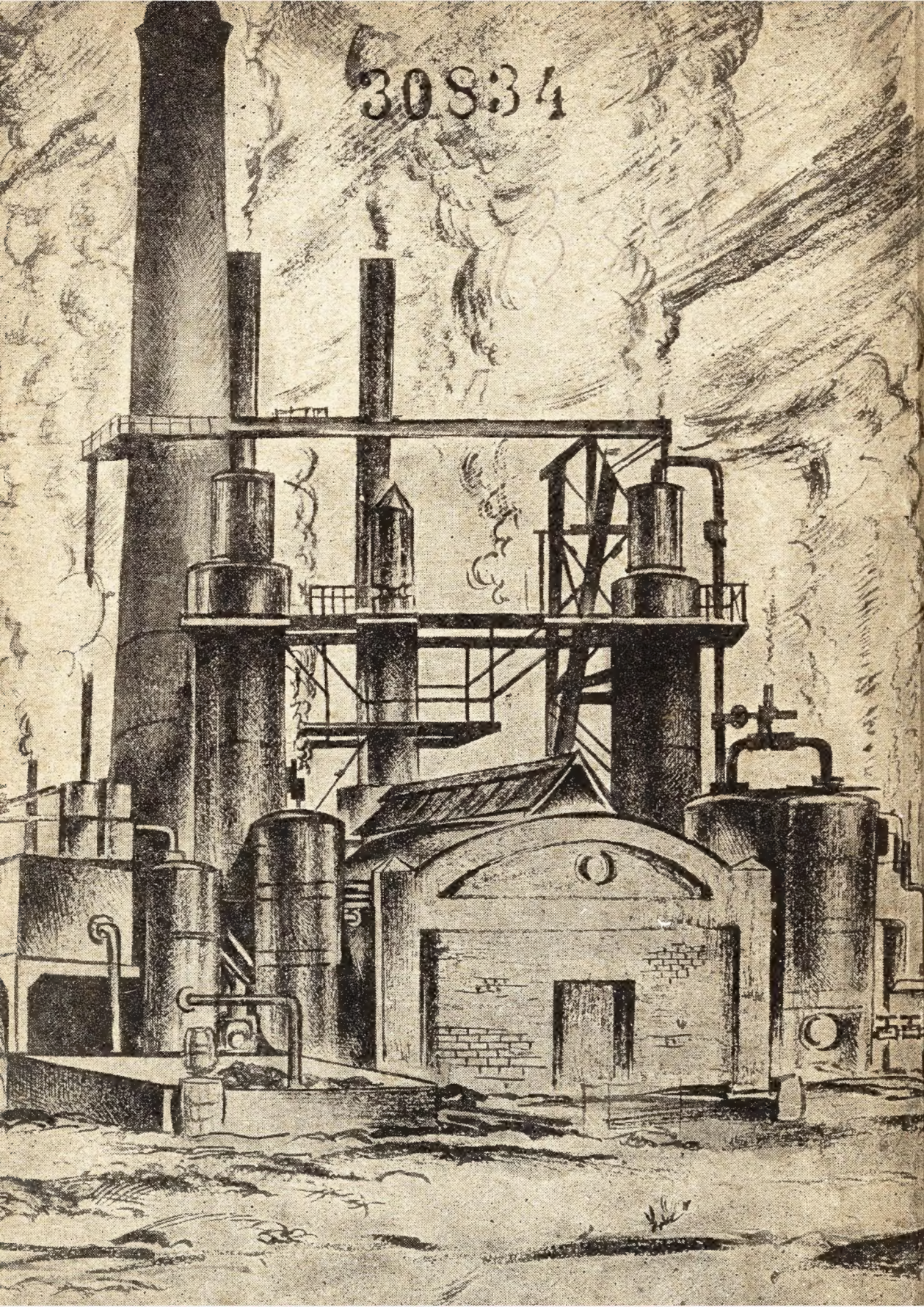
Рабочий домик.

Оглавление

Стр.

От редакции 3
Автобиография 6

Город черной крови

«Огневая водица» 15
К морю синему 18
Старина 22
Азнефть 30
У истоков нефти 47
Фонтаны 53
Способы добычи нефти 59
Черный город 74
«Вечные огни» 80
Новое 89

30834